

МАРГАРИТА ЮЖИНА

Пора
по
бабам

дамский смешной детектив

Маргарита Южина

Пора по бабам

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161126

Пора по бабам: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-23316-8

Аннотация

Клавдия Распузон потеряла покой и сон. Куда подевалась Лиля, жена ее сына Дани? Ведь с тихоней-невесткой вдруг начали происходить ужасные вещи: ни с того ни с сего она вдруг отправилась в бильярдный клуб и там... отравила какую-то девушку! Отравила – в этом не было никаких сомнений, потому что несчастную нашли мертвой, а в сумке Лилечки – сильнейший яд! Ничего не объяснив, супруга Дани скрылась в неизвестном направлении – и ищи ее теперь, свищи. Ничего, добрая свекровь поставит на ноги весь город, а найдет...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Маргарита Южина

Пора по бабам

Глава 1

Петля для брошенного мужа

– Сынок, главное для тебя сейчас – не уйти в запой, это я тебе как мать говорю! – с энтузиазмом поучала Клавдия Сидоровна Распузон своего сына Даниила. – Пьянство, на мой взгляд, это – все! Это катастрофа! Я считаю, лучше повеситься... Господи, прости меня, дуру, чего мелю, чего мелю... Нет, сыночка, вешаться тоже не нужно. Это серьезная утрата для бизнеса, огромная брешь в мужском населении и, наконец, горе для родителей. И откуда тебе только такая идиотская мысль в голову залетела?! Ну подумаешь – ушла жена! Да возле тебя такие невесты стадами бродят!.. Нет, ну чего ей не хватало-то? Бросить такого мужчину, как какого-то пьющего художника!

Клавдия Сидоровна подняла красные, как у кроля-альбиноса, глаза к потолку, уложила руки на огромный, как рыцарский орден, кулон из непонятной жести и смачно всхлипнула. Она уже приготовилась встретить сыновнее горе мужественно.

– Мама! Да с чего ты взяла, что она меня бросила? – совершенно искренне удивлялся Даниил. – Мы с Лилей просто немного устали друг от друга, повздорили, и она решила отправиться к матери, что такого-то, ну?

Нет, этот сын был непробиваем. Уже битый час Клавдия сидела у него в гостях, грызла какое-то заморское печенье вперемешку с валерьянкой и все пыталась его успокоить, а он еще и не сообразил, что ему пора расстроиться! А ведь уже давненько надо было хвататься за сердце, пить лекарство гранеными стаканами и бросаться на двери – ветреная жена Лилечка улетучилась к матери еще два дня назад. А сынок сейчас полеживает на диване, потягивает пиво из банки, переживает за нашу Олимпийскую сборную и только игриво шевелит пальцами ног. И даже, кажется, вполне доволен судьбой.

– Сынок, – пошла на следующий заход Клавдия Сидоровна. – Потеря семьи – это большое горе, я тебя так понимаю, так понимаю... Выключи хоккей, когда мать тебе, можно сказать, слезы утирает!.. Конечно, Лиля... нет, Дань, а чего – она правда тебя взревновала, да?

Сын снова нехотя оторвался от экрана и постарался спокойно пояснить:

– Мам, ну я ж тебе уже столько раз повторял: я отправился на встречу одноклассников. Естественно, один, мы всегда без жен-мужей собираемся. Ну посидели... кажется, до четырех утра, а она вдруг возьми и заревнуй! Сначала чего-то

просто капризничала, а потом и вовсе – собралась, сказала, что недельку поживет у матери, к тому же теща нашла там какого-то дивного диетолога, и они решили вдвоем усесться на диету. Ну и все. Я ей еще денег дал, она губы надула, но в щеку чмокнула. Не понимаю, с чего я должен срочно отправиться в запой? У меня сейчас такая пора горячая...

Даниил был непоследним видным бизнесменом, его даже несколько раз показывали по телевизору, и «горячая пора» у него выпадала на неделю семь раз, Клавдии совсем неинтересно было про это слушать, да к тому же, по ее разумению, сейчас надо было все-таки горевать о погибшей семье. Между прочим, Клавдия Сидоровна замечательно умела успокаивать горемык, она сочувственно пыхтела, где надо роняла слезу, находила трепетные слова и при этом чувствовала себя немножечко ангелом. Но вот сын никак не хотел это оценить! И образ ангела уже который час не вырисовывался. Даже получалось, что она вроде как навязывается со своими утешениями, вот ведь что обидно!

– Нет, Даня, так к семье относиться нельзя. Ведь ты только подумай – жили вы с Лиличкой, жили... а потом она... взяла и ушла... несчастная девочка... – уже перешла на тоненький вой Клавдия.

– Ма! Ну чего она несчастная-то? – лениво отбрыкивался Даниил.

– Вот и я говорю! – скоренько перестроилась мама. – С ее-то счастьем... Какую холеру еще надо было?! А все тепе-

решнее воспитание... у-и-и-и... сыночек мой покинутый... горемычный...

И она окончательно разревелась, монотонно и оглушительно завывая.

– Да мама же! – вскочил мячиком с дивана Даниил. – Ну почему тебе примерещилось, что я горемычный-то?! Я замечательно посидел с друзьями, я их сто лет не видел, они так все изменились...

– Ну расскажи давай, кто на встрече был? – не стала больше убиваться по беглой невестке свекровь и затеребила сына. – Этот ваш умник был? Ну, вечно в очках таких толстых?

– Колька Грошов? – оживился Даниил. – Колька был. Только он сейчас без очков уже, серьезный такой, замдекана нашего института, где я учился.

– С ума сойти! Ты, главное, учился, а он почему-то в начальстве! – обиженно выкатила губы Клавдия Сидоровна, секундочку подумала и пришла к выводу: – Это у него родственники где-то в верхах обнаружились, вот поверь моему слову! Без них не обошлось! А ведь сколько раз к нам прибегал – курточка рваная, ручки красные, нос мокрый, а тут тебе – замдекана!.. А девочка у вас училась, отличница вся из себя, кажется, Юля звали?..

– Ярошко? Была. Очень интересная дама стала. Еще Андрей Клепцов был, он у нас врач известный. Потом Паша Дядин, он стал...

– А какой это Дядин, я чего-то не помню его?.. А эта...

как ее? Ну бегала еще за тобой все время... Наташа! Наташа была?

– Наталья? Это которая Скачкова? Она была, – усмехнулась Даниил. – Она нисколько не изменилась, такая же вертлявая и во всех влюбленная.

– Ну вот! – вскинулась матушка. – Вот и хорошо, что влюбленная! Бобылем не останешься! Ты у нас не урод какой, если уж сильно приспичит, можно и с ней...

– Мама! – уже не вытерпел сын. – Ну с чего это мне вдруг сильно приспичит?! И вообще! В субботу приедет Лиля, мы тебя пригласим...

– Я все поняла! Ты у меня получился совершенно бесчувственный, жестокий, равнодушный... И это при таких замечательных родителях! – вздернула двойной подбородок Клавдия Сидоровна. Конечно, она оскорбилась! Ведь неглупая же, понимала – сын вовсе даже не жаждет слов утешения, а хочет побыстрее остаться один, потому что просмотрел, как нашим забили гол.

– Ладно, сынок, я тут засиделась, а у меня еще и кот не кормлен, и рыбки голодные, и отец, опять же...

Она спешила домой, а брови сами собой дергались в недоумении – и как это ее дети не умеют устроить семейную жизнь?! Анечка – дочка младшенькая... нет, они живут замечательно, зять стремительно рванул вверх по служебной лестнице, обеспечивает семью, любой нувориш обзавидуется, но дочка-то! Нет чтобы вести себя с ним по-королев-

ски, она все: «Володя! Володечка!», прям никакой гордости! А еще в милиции работает... И Даня вот тоже – упустил жену-вертихвостку, не сумел кулаком по столу, тарелкой в люстру и пепельницей в окно, не смог вовремя жену под каблук запихать. Велика сложность! Вот она – Клавдия, своего мужа – Акакия Игоревича, из-под этого самого каблука не выпускает. Он уже лет тридцать там прописан, и ничего! И счастлив! Вот сейчас сидит дома и прорабатывает статью в газете про повышение цен на квартплату. А потому что Клавдия так сказала. А потому что она сама вовек не разберется, да!

Так, в рассуждениях, Клавдия Сидоровна добралась до родного подъезда и тут остолбенела. Акакий вовсе даже не горбатился над мудреной статьей, а вовсю принародно позорил их фамилию. Он гонял с дворовыми мальчишками возле подъезда шайбу. Конечно, в отличие от младшего поколения у Акакия Игоревича не было хоккейного снаряжения, жена не удосужилась купить, и вместо клюшки горе-спортсмен лихо орудовал метлой дворника дяди Петра. При этом Акакий нисколько не расстраивался, потому что уже больше всех забил голов соседскому пареньку Мишке. Акакий жульничал. Он лихо тыкал метлой в шайбу, и та утопала в жестких прутьях. Выцарапать ее оттуда было практически невозможно. Резво семеня ножками, почтенный Акакий Игоревич доносился до ворот, стряхивал шайбу и победно скакал козлом:

– Го-о-о-ол!!!

Мальчишки злились, кричали, махали руками, но откровенно шибануть клюшкой мухлевщика не осмеливались, все ж таки дядечка. Вот и сейчас Акакий таким же недостойным образом затолкал очередной гол и вывел команду противника окончательно из себя:

– Не-е, ну так ваще нельзя!! – кричали возмущенные игроки. – Мы не договаривались, чтобы с нами дедушки играли! Дед Кака, идите уже домой! У вас вон и подошва оторвалась!

Дед Кака капризничал и домой идти не соглашался. Мальчишки свирепели. И неизвестно, чем бы все закончилось, но проезжавший мимо грузовик вдавил шайбу меж колес и мерно покатился дальше.

– Шайбу! Ша-а-айбу!!! – с воплем бежали игроки за уезжающим спортивным инвентарем.

Шофер за рулем только блаженно хмыкал: «Все, как у меня в молодости. Тоже помню, шайбу-шайбу орали. Думал, сейчас уж не кричат...»

Клавдия Сидоровна двигалась к подъезду мрачнее грозовой тучи – черная, хмурая и с недобрыми намерениями.

– Кака! Немедленно домой! – рывкнула она, толкая в хилую спину хоккеиста-шалуна. – Какой позор! Скакать перед всем домой с метлой! Ровно Баба Яга какая! Я сказала – домой!!

– Ну, Клавочка! Я не могу! У нас же чемпионат! – арта-

чился тот. – Мы – сборная России, а вон Сережка с Игорем и Стасик еще, те у нас финны! Клава! Мы должны отыгаться! За наших! За Олимпиа...

Остальные лозунги так и померли в груди Акакия Игоревича, супруга резко втокнула его в подъезд, исковеркав ему всю хоккейную карьеру.

Поздно вечером Клавдия горько пыхтела в телефонную трубку, жалуясь дочери:

– Ах, Анечка, на меня навалились сплошные неприятности, ну просто сплошные! То Даня с Лиличкой... Да не перебивай, когда мать плачет!.. Говорю, то от Дани жена удра-ла, то отец твой... Ой, Анечка, ты не представляешь!.. Нет, Аня, я говорю – не представляешь! Его совсем не за юбкой потянуло! Это гораздо хуже! Это страшнее... Аня, он ударился в спорт!.. Да-да! И ничего хорошего... Но... Подожди, я совсем не это... Мы наверняка не сможем в воскресенье... Нет, Аня, я не умею... Ну, если только призы... папу отправим... Хорошо, хорошо... Ну конечно, пусть отвезет... Да-да, мы согласны!

Акакий Игоревич смиренно поливал цветочки, усердно ковырял в горшках землю пальцем и о надвигающейся беде не подозревал. Он даже попискивал себе под нос что-то веселенькое. Но Клавдия уже вперила тяжелым взглядом в несчастного супруга.

– Ну что, гроза НХЛ, допрыгался? Радуйся. В субботу мы едем на лыжные гонки, отстаивать честь Яночкиного детско-

го сада. У них там «Веселые старты», бегут все родители. Конечно, ни Аня, ни Володя не могут, они работают, поэтому, Кака, мы с Аней решили, что побежишь ты.

Акакий Игоревич лыжником себя не видел. Честно говоря, он догадывался, что и хоккеист из него никакой, так только, побегал сегодня с ребятней, потыкал метлой шайбу, но уж чью-то там честь защищать!.. От волнения у него пересохло в горле.

– Клава! Я не могу! – прохрипел он, отхлебнул из лейки водицы с удобрениями и зачистил: – Я не могу, потому что лыжи – это не мое призвание. Я в лыжах запутываюсь и еду почему-то всегда назад... Нет, Клавочка, я определенно заявляю – не могу, и все тут!

– Можешь, Кака, можешь. Потому что там дают призы, – спокойно пояснила Клавдия. – Если первым придет мужчина, ему дают электробритву, если победит женщина, то получает набор дорогой косметики. Кака, мне нужна косметика, поэтому в субботу лыжи станут твоим призванием, и ты будешь ехать вперед. Мало того, ты даже победишь. Попробуй только прийти вторым! А сейчас нам надо отдохнуть, укладывайся в кровать. До субботы у тебя железный спартанский режим. Я буду твоим тренером.

– Клавочка! – взмолился Акакий Игоревич. – Но как же... Я же, наконец, мужчина! Мне все равно дадут бритву!

– Ой, господи, да какой из тебя уже мужчина, – отмахнулась жена. – Не смейся меня. И потом, у тебя все равно уже

брить нечего, макушка, как у меня спина. Спи давай, а то и в самом деле, чего это мы станем дорогой косметикой раскидываться...

Все оставшиеся дни недели Акакия Игоревича бросало в холодный пот при одном воспоминании о лыжах, а уж в субботу он окончательно раскис – никак не мог оторваться от холодильника, подолгу отсиживался в туалете и не хотел одеваться.

– Клава... – канючил он, когда жена вертела его перед собой, как тряпичную куклу. – Клавдия, у меня даже нет приличного костюма. Я замерзну...

– Ничего не замерзнешь! – гасила жена все капризы. – Наденешь кальсоны, две фланелевые рубашечки, а сверху свитерок. Ну и курточку еще, и не надо никакого костюма!

– Не хочу фланелевые рубашечки! Ну что же я, как капуста?! Все налегке побегут, а я...

– У всех вес приличный! – уже начала злиться Клавдия. – А ты со своими сорока килограммами только на подростка тянешь! А подросткам, между прочим, только на билет в кино дают! И не кривляйся!.. Господи, тебе же еще лыжи надо...

Клавдия быстро подскочила и прямо раздетая вынеслась на балкон. Прогредев банками и какими-то железными крышками, она появилась в комнате со старыми облезлыми Даниными лыжами.

– Кла-а-ава, – чуть не плача протянул Акакий Игоревич. –

А может, мне лучше в прокате взять? Смотри-ка, эти уже в двух местах треснули, в краске все и вообще – они же маленькие! Даня в них в первом классе бегал. Посмотри, какие они старые...

Однако Клавдия на мелочи обращать внимание не собиралась. Она сунула мужу лыжи и фыркнула:

– Ах-ах! Ну и что – старые! Ты их, что ли, варить собрался? А треснутые, так тут все равно никто не видит. В краске все?.. Так, Кака, пока я буду собираться, ты возьми наждачку, ножичек и соскобли все лепехи от краски, соскобли, нечего кукситься!

К моменту, когда в двери позвонил Володя, Распузоны уже были в полной спортивной готовности. Клавдия Сидорова красовалась в новеньком спортивном костюме и кокетливом вязаном берете. Акакий же Игоревич выглядел скромнее – в сереньком пуховичке, в кроличьей ушанке, китайских штанах с вытянутыми коленками, зато он был с лыжами и с огромным баулом, куда хлопотунья-жена сгрузила половину холодильника. Володя только крикнул при виде этой колоритной четы, но быстренько взял себя в руки и бодро потер ладошки:

– Вижу-вижу, готовы к золотым медалям! Эх, вас бы в Турин! – но, заметив, как блеснули глаза тещи, мгновенно перескочил на другое: – Яночка нас в машине ждет, надо поторопиться.

Добраться до небольшого леска, где устраивался празд-

ник, можно было на любом автобусе за полчаса, но Клавдия Сидоровна хотела подъехать к соревнованиям со всем комфортом. Лесок встретил их разноцветными флажками, будоражащим шумом и буйством красок курток и шапочек спортсменов. На «Веселые старты» со всего города собрались отчего-то преимущественно бабушки и дедушки малышей. Оглушительно звучала музыка, всюду раздавались взрывы смеха, топорщились нерусскими подписями лыжи и сверкали улыбки.

– Клавдия Сидоровна! – кричал ошалелый Володя. – Яночку я отвел к воспитателю, они с той горки с детьми будут смотреть, а я поехал, располагайтесь тут. Через два часа я за вами заеду.

И он поспешно скрылся в машине. Клавдия поставила мужа с лыжами под березку, рядом устроила неподъемную сумку с провизией, а сама побежала договариваться с организаторами. Вернулась злая и раздраженная.

– Кака! Какая несправедливость! Ты только подумай! – возмущалась она. – Они не позволили тебе выиграть косметику! Говорят, если победит мужчина, то только бритву! Ну что за порядки! Нигде правды нет! Достань мне бутерброд с ветчиной, прямо от нервов весь желудок скукожился.

Акакий Игоревич тоже мечтал о ветчине, поэтому бесславно бросил лыжи и с головой исчез в недрах баула.

– Клавочка... а... а почему ты один бутерброд с ветчиной прихватила?... – плаксиво начал он.

– А зачем больше? – вытаращилась на него супруга. – Я больше не съем, я же худею! Да отдай ты колбасу, вцепился, главное... Нет, что же все-таки делать с призом-то?

– Клавочка, а может, ну их, эти лыжи? – со слабой надеждой лепетал муж, поглядывая на огромный шмат колбасы. – Можно просто так по лесу погулять, елочками полюбоваться...

– На елочки в Новый год любоваться надо! – все больше свирепела Клавдия, со злостью вонзая зубы в розовую мякоть. – Мне нужна косметика! Все, решено, вместо тебя еду я!

Акакий Игоревич мысленно перекрестился. Он даже и мечтать об этом не смел – остаться одному, когда кругом столько хорошеньких воспитательниц, м-м-м!.. Он даже придумал, чем завлечь прелестниц – он расскажет им, как можно в группе развести традесканцию, и даже, может быть, подарит отросточек.

Не подозревая о коварных помыслах благоверного, Клавдия сняла с себя и напялила на него свою куртку, дабы покорять километры налегке, а заодно и выгодно показать себя перед болельщиками, затолкала ноги в лыжи и побрела на старт. Она вышла на лыжню с одной только целью – победить! Рядом с ней толпился народ, который, надо думать, вышел с этой же целью. Но Клавдия знала – ее косметику уже никто не отвоюет! Хотя, если присмотреться попристальней к участникам забега, то лыжникам более пригодился бы в по-

дарок какой-нибудь тонометр или даже ортопедический матрас, а не кремы с лосьонами.

Чуть не в ухо выстрелил кто-то игрушечным пистолетом, и все стадо ярких неповоротливых спортсменов дернулось, двинувшись в путь. Мучение обещало быть долгим и беспощадным. Даже веселая музыка не могла заставить лыжников быстрее работать палками. Клавдия немного приободрилась, оценив соперников, и затопала по лыжне, раскорячив ноги и высоко поднимая лыжи. Неизвестно отчего, но эти самые лыжи совершенно не собирались скользить. То ли Кака постарался натереть их наждачкой, то ли лыжня не выдерживала вес лыжницы, но катиться красиво и плавно у нее никак не получалось. А мимо бодро пролетали более успешные товарищи по несчастью.

– Ничего, ничего... – пыхтела она, тяжело загребая палками. – Сейчас закончится подъем, а там, на спуске, уж я им... о-хо-хо!

Однако на спуске Клавдия Сидоровна оконфузилась окончательно. Она забралась на горку одной из последних. Взглядом бывалой лыжницы окинула сверху поле битвы, скукожилась в позе понадежнее, придала на всякий случай лицу сосредоточенное выражение – вдруг кому вздумается показать ее по телевизору, и лихо оттолкнулась палками.

Лыжи туго заскользили вниз, потом вдруг скрипнули и позорно остановились. Шершавые старые доски не желали ехать дальше. Минут пять Клавдия Сидоровна торчала на

лыжне не двигаясь, оттопырив зад и высоко задрав лыжные палки. Мимо молнией проносились какие-то лыжники, которые уже катались для собственного удовольствия, а она все ни с места. Помянув Акакия «незлым, тихим» словом, Клавдия Сидоровна принялась грести палками, будто находилась на тонущей шлюпке. Очень медленно лыжи отлепились от снега и поползли. Больше испытывать судьбу она не стала. Сошла с горки и сурово направилась напрямиком к скачущему вдалеке супругу.

– Кака, они чем-то намазали лыжню, – обреченно проговорила она. – Каким-то канцелярским клеем, не иначе. Господи! И на что только не идут устроители, чтобы не дать заслуженную косметику!

Супруг вовсе из-за косметики не переживал, напротив, он весь искрился щенячьей радостью. От веселой музыки у него то и дело подергивались руки, ноги выделявали какие-то ба-летные па, и даже призывно подмигивал левый глаз.

– Кла-воч-ка! Да и бог с ней, с косметикой! Посмотри, солнце-то какое! И даже молоденькие... люди встречаются! А какие фигурки, Клавочка! Обрати внимание, вон та фигурка в синем комбинезончике, а? Я прямо глаз не могу отвести, прям глаз... – зарвавшись, восхищался Акакий, прыгая тушканчиком возле подруги жизни.

– Так! – рывкнула та и ухватила ветреника за шиворот. – Фигурки, значит. Ты в своем репертуаре. Выскочил на улицу и решил, что всё – пора по бабам! Похоже, тебя несколько

не волнуется, что жена осталась без красоты, да? Тебе, похоже, наплевать, что у нее украли пять... десять лет молодости?! Да прекрати скакать блохой! И что это ты на спину нацепил?! Нож какой-то... Боже мо-о-о-й!! Ты испоганил мою выходную куртку?! Нет, ты посмотри, что ты наделал, варвар!!

Варвар, извиваясь жгутом, попытался посмотреть, что он там наделал со спиной, но застарелая шея никак не поворачивалась на сто восемьдесят градусов. А Клавдия уже резко дернула с него пухлую нарядную куртку, в которой он выглядел так престижно. Акакий дернулся, что-то блеснуло и упало в утоптаный снег, а жена не унималась.

– Боже мо-о-о-й, – мычала она, тряся перед собой синтепоновым чудом. – Ты изрезал мне мою лучшую вещь! Она так выгодно подчеркивала мою фигуру, изверг!!

Если по совести, так эта курточка куда лучше смотрелась без Клавдии. Клавочка, и без того дама пышных форм, в ней выглядела как торговая палатка. Акакий Игоревич все время пытался ей об этом сообщить, но не отваживался. Сейчас же был самый подходящий момент, однако он упрямо паялился куда-то в снег.

– Кла... Клавдия... ты посмотри, что это? – дрожащим пальцем он указывал на блестящую штуку.

Это был небольшой ножик, с коричневой костяной ручкой и блестящим лезвием. Лезвие было острым, Акакий Игоревич специально проверил пальцем. Острым, но небольшим, величиной с палец. Совершенно очевидно, что нож выпал из

куртки.

– Да, да, горе мое!! Я сразу поинтересовалась – зачем ты, несчастье мое, воткнул себе в спину нож и испоганил вещь?! – снова рыкнула Клавдия, но наконец поняла, что сказала не то. – Кака... Я не поняла, так это... Подожди, Кака, так это не ты, что ли, себе в спину нож затолкал?.. Господи, ну конечно, не ты, ты бы непременно промахнулся... Это что же получается... Это получается, что тебя кто-то хотел... как жука на булавку! Кака!!! Кому ты еще успел отравить жизнь? Почему все кому не лень втыкают в тебя холодное оружие?! Вечером ты мне еще объяснишь, а сейчас немедленно забираем ребенка и несемся домой! Здесь вообще творится черт-те что!! Косметику не дают! Ножи суют куда попало!!! Яночка-а-а-а!!! Беги к бабушке!! Деда нам вызывает такси, и мы едем домой!!.. Кака! Не торчи пнем! Немедленно сбегай к тому толстому дядьке, попроси у него телефон и вызови такси!.. Яночка!!

Акакий осторожно подобрал небольшой ножик и боязливо закопал его в огромный сугроб – от греха подальше. Схватил принадлежащую им сумку с едой и потрусил догонять супругу.

– Клавочка, не надо поднимать крика, мы напугаем Яночку, – быстренько заткнул он супруге рот. – А к тому дядьке...

Клавдия его уже не слушала – она неслась за внучкой.

Такси вызвать не получилось, да особой надобности и не было – остановка нужного автобуса находилась здесь же.

Усевшись на заднем сиденье, Клавдия Сидоровна наглаживала внучку по шапочке и без умолку щебетала:

– Яночка, детка, тебе понравился праздник? Ой, чего я спрашиваю, кому может понравиться эта лошадиная ярмарка?.. Яночка, солнышко мое, а ты видела, как бабушка Клава лихо прошла дистанцию? Прямо – влет, как птица, как птица! Тебе, наверное, было плохо видно...

– Да нет, баб, я видела, как ты там скрюченная зависла, – горько вздохнула девочка. – Мне еще Ванька Сидорчук сказал, что мы так в яслях на горшках сидели. Баб, я ему всю куртку порвала, чтоб не обзывался.

– Правильно, девочка моя, – придавила головку девочки к своей груди Клавдия. – Правильно. Надо же – на горшках! А то он помнит!.. Постой-ка, Сидорчук... у него же папа в администрации района! Яночка! Зачем же ты мальчика обидела? Ну, как некраси-и-иво! Я вот так себе представила – и правда, немного похоже, как твой Сидорчук говорит... Кака! Прекрати хихикать!.. Яночка, ты у нас глаза-стенная такая, а вот скажи, что там наш дедушка делал, пока я на этой горке, как в яслях... кхм... Чем там занимался наш дедуля?

Девочка сморщила носик и пожалала плечиками:

– А он ничем не занимался. Он только к одной тетеньке подошел, а потом еще к одной... Баб, он там много тетенок обошел. А! Он потом еще к одной подошел, у нее таки-и-ие лыжи красивые! Все прям черные и прям красные! – Яночка от восторга ухватила за пухлые щеки. – А наш дед Кака

подошел и стал ей тыкать в лицо корягой. А тетенька сначала отворачивалась, а потом уехала. А к деду Каке зато какие-то люди подъехали на лыжах, и он долго руками махал. И все. А потом к нему больше никто не подъезжал. Только бабушка чья-то хотела сумку нашу стащить, но у нее не получилось, она ее поднять не смогла.

Акакий Игоревич сидел рядом, крепко прижимал к себе мокрые лыжи и доверчиво клевал носом в плечо жены. Однако резкий толчок супруги чуть не вынес его в проход.

– Признавайся, грыжа, в какую ты тетеньку корягой тыкал? – сурово спросила жена, никакого внимания не обращая на пассажиров автобуса. – Теперь понятно, за что тебя хотели ножичком пощекотать... Икебаной небось соблазнить хотел, куртизан!

Акакий испуганно заморгал сонными глазками и невнятно пробормотал:

– Я просто это... корешок с дорожки убрать... ну и чтоб не выкидывать такую красоту... пристроил в надежные руки... Клавочка, курочка моя, ты напрасно волнуешься, я верен только тебе!

– Конечно, кому ты еще сдался со своими твердыми мозгами и жидким стулом! – рыкнула Клавдия и снова принялась с силой наглаживать внучку по голове. – Яночка, вырастешь большая, не заводи себе мужа, лучше собаку!

Яночку дома встретил удивленный отец.

– Ой, а чего это вы?... Я за вами только ехать собрался...

Вы же еще должны на лыжах...

— Ты мечтаешь, чтобы мы померли там на этих лыжах, да? — набычилась Клавдия. — Вот, привезли тебе ребенка, накорми, голодная она. Анна-то где?

— Аня у Даниила. Он ей сегодня с утра позвонил... ну она и... — растерянно проговорил Володя, раздевая дочку.

— Так, понятно... Кака, за мной!.. Да оставь ты эти лыжи! Может, Володя сам когда наденет... — выдернула Клавдия из рук мужа злополучные лыжи и заторопилась вниз по лестнице. — Кака! Немедленно к сыну!

Теперь спешить не получалось. Клавдия то и дело останавливалась, хваталась за сердце и каждый раз обещала:

— Нет, я сейчас непременно умру. У меня просто лопнет сердце. Я вот всей поджелудочной железой чувствую — с Дашей что-то стряслось!

Акакий Игоревич, напротив, о сыне не очень волновался. Он уже давно понял, что тот крепко стоит на ногах и способен защитить себя сам. В данный момент его беспокоил несколько иной вопрос:

— Клавочка, а я все думаю — и кто же мне так вероломно нож в спину, а? — подпрыгивал он от волнения возле супруги. — Если б не множество курточек, то мне не вынести бы такого удара... Клавочка, а что там твоя поджелудочная железа про ножичек думает?

Клавдия на минуту забыла про сердце и прочие органы и презрительно дернула накрашенной губой:

– Да с тобой-то все ясно, прилип к очередной красоте, а ее мужу это не понравилось. Не все же такие, как я, терпят и молчат, терпят и молчат. Есть и такие, которые раз, и нож в спину. Яночка же говорит – сначала ты к тетеньке, а потом к тебе – группа товарищей. Да там ножичек-то... Хотели напугать, да и все.

– Нет, Клава, я смотрел, – упрямылся Акакий. – Если бы на мне не было двух курток, если бы я не поддел кальсоны и тот толстый свитер, то как раз бы ножичек меж ребер прошел. Вот сюда – опаньки! И отсюда выскочил. И я был бы уже стопроцентно погибшим. Это знаешь как серьезно!

– А ты как думал! – поддержала жена. – Смотри, допрыгаешься. Теперь, если жить хочешь, я для тебя самая безопасная женщина. И ведь говорила: Кака, выиграй мне косметику! Самому было бы приятно, но так тебе теперь и надо – будешь любить жену с китайским макияжем!

Клавдия тяжело вздохнула, и чета двинулась дальше.

У Даниила они застали тревожную картину. Сын угрюмо сидел на кухне перед пепельницей с горой окурков, обмахивался газетой, а Аня висела на телефоне и что-то диктовала в трубку строгим, казенным голосом.

– О, мам, пап, – невесело улыбнулся Даниил. – Проходите... чаю...

– Какой чай? Что случилось? – сразу напала на него с вопросами Клавдия. – Анна! Брось трубку, когда мать интересуется! Кака, давай организуй кофе, видишь, Даня сейчас

нам рассказывать будет! Ой, это что же происходит? Дети, немедленно не тревожьте мать, рассказывайте! Немедленно! Подождите, я только сначала... вот так вот... на диванчик устроюсь...

Пока Клавдия Сидоровна бережно укладывала тела на кухонный диванчик, Акакий Игоревич, горделиво дернув головой, прошествовал к плите и, урвав момент, быстренько сообщил:

– Дань, слышь чего, а меня ведь сегодня хотели жизни лишить, да! Какой-то паразит проткнуть хотел, как мотылька булавкой. И ведь прямо ножом, прямо в спину. Это еще хорошо, что у меня спина, как панцирь у черепахи, сразу и не проткнешь...

– Что ты, пап, говоришь? – насторожилась Аня и отложила трубку. – Как это – хотели проткнуть? Ты про что?

Клавдия не поленилась вскочить, с силой треснула любимого муженька по темечку и горько сообщила:

– Дети мои, не слушайте его. Я в детстве одноклассника по голове била, вот судьба мне и подарила мужа безголового. За грехи. Кака!! Меньше на баб заглядывайся, понятно?! У тебя теперь одна икона – это я! – и снова принялась стонать, укладываясь. – Данечка, ты так и не сказал, что случилось-то?

– Ой, мам, да ничего особенного! – засуетилась Аня, выставляя на стол того-сего к чаю. – Просто какой-то писака...

Даниил потянулся за чашкой чая, которую уже двигал к

нему заботливый отец, и сестру перебил:

– Да чего там говорить, ерунда всякая, не берите в голову.

Но Клавдия поняла, что горькую весть нужно принимать сидя, снова вскочила ванькой-встанькой и уже вертела в руках злополучную газету.

Газетенка славилась самыми грязными скандалами, правду в ней писать считалось дурным тоном, за что ее особенно любили горожане. Статья, которая взбудоражила брата и сестру Распузонов, была не маленькая, но суть можно было передать в двух строках: «Жена видного бизнесмена Д. А. Растузона совершила преступление – в бильярдном клубе, на глазах десятка свидетелей, в пьяном угаре убила собственную подругу, а милиция на это ответила преступным молчанием – подозреваемая даже не была заключена под стражу! А между тем у подозреваемой в сумочке была обнаружена склянка с остатками яда, от которого жертва и скончалась».

– Какой ужас, – надула губы Клавдия. – Мне вот больше всего этот эпизод не понравился, про преступное молча... Даня! Так это же про тебя пишут! Только почему Растузон? А здесь еще и фотографии... Ну-ка, ну-ка... Нет, зачем только людям глаза черной полоской прикрывают? Пусть бы все видели бесстыжие глаза этих изуверов! Ох и ничего себе! Это что же – наша Лилечка... Да что ж это такое?!! Да кто ж такое написал, руки бы ему пообломать по самые колени!!! Нет, ну надо же!! Это наша Лиля – подозреваемая!! Это она

подругу убила?!! Да она муху убить не может, каждое лето просто стаями у вас в комнате кружат! Даня! Немедленно дай мне телефон редакции! Я им сейчас... Они у меня узнают, как это с десятого этажа без парашюта!.. Ну чего остолбенели-то?!!

Даниил с досадой посмотрел на сестру:

– Говорил я тебе – маме никак говорить нельзя. Она теперь и правда того писаку с десятого... Прямо хоть охрану мужику приставляй.

– Я тебе приставлю! – разошлась Клавдия. – Ишь, завоновался он! Раньше надо было волноваться, когда ты в телик паялился на хоккей свой!.. Кстати, а как наши-то, выиграли? Ой, мне тогда так Каспарайтис понравился, прям не могу. Слышь, Аня, он так к хоккеисту подъезжает и бочком его – тынц! И все. Того в реанимацию!

Клавдии Сидоровне и впрямь так нравился боевой игрок, что она даже подскочила к мужу и показала, как был этот «тынц» исполнен. Акакий Игоревич силового приема не ожидал, потому не успел сгруппироваться, по-бабьи вякнул, взмахнул руками и облил себя горячим чаем с ног до головы.

– Ну... Клавочка... знаешь... – обиженно дергал он мокрым лицом. – Мы сейчас, мне кажется, должны думать, как Лилю от подозрения избавить! А Даню от позора, мне кажется!!

Клавдия тут же помрачнела и печально поддержала:

– Правильно, Кака. Вот я сегодня с самого утра чувство-

вала, что придется это дело взять в свои руки. Не хочется, конечно, а что делать?

– Мама! – вскинулась Анна. – Я тебя умоляю... Ну какое дело?! Нет там никакого дела! Единственное, надо бы этого журналогу отыскать, да и то... Что ты ему предъявишь? Фамилия не наша, он не зря букву поменял, фотография Лили наполовину закрыта! Конечно, Данино имя запачкано, но... Мама, тут нужна работа специалиста, и я тебя прошу... Нет, я просто требую! Не смей никуда соваться! Этим уже мы занимаемся.

– Ой, да чем вы там занимаетесь, – отмахнулась матушка. – Прямо как будто я не знаю! Еще требует она. Ты лучше сразу скажи – Лилию допрашивали? В каком клубе стряслось это вопиющее безобразие? Когда это она к бильярду успела пристраститься?

Дочь с усталым стоном опустила голову на руку и обреченно уставилась в столешницу.

– Так, понятно... – потеряла к ней интерес матушка. – Дания, пока сестра думает над своим поведением, отвечай: где сейчас Лилия? Вы с ней уже связались? Ты к ней ходил?

– Я приходил два раза. Один раз только Ирина была, вы проводила меня, наверное, не одна была, а второй раз и Ирины не было. А сотовый у Лили не отвечает!

– Ну и что?! Надо было вон Анну на телефон посадить, пусть бы звонила не переставая!

– Мама! – не выдержал сын. – А она что делает? Я с самого

утра себе места не нахожу, а теперь, на ночь глядя, ты мучить будешь?

– А потому что я с утра не могла! – тоже повысила голос Клавдия. – Потому что я возила Яночку смотреть, как дед Кака на лыжах позориться будет! Если б знала, раньше бы тебя допросила!.. Господи, ну что за дети, так растревожить мою психическую систему! Неужели непонятно – надо спасать Лилю!

Аня подняла голову и постаралась унять материнский пыл:

– Мама, никого спасать не надо. Все уже спасены. Дания очищен от позора, Лиля в безопасности, а преступника усердно ищут. Хотя, с чего ты взяла, что преступление вообще имело место быть? Я, допустим, ничего не знаю! Это же такая газета, которая и живет-то за счет своих сумасшедших фантазий! И вообще тебе самое время...

– Нет, Кака, ты слышишь? – фыркнула Клавдия. – Они уже всех спасли! Статья – вот она, извинений никаких, даже не заплатили за обиду, а они, оказывается, всех уже спасли... А где тогда моя невестка, позвольте вас спросить, а?! Нет, я определенно не могу говорить с этими детьми... Дания!! Немедленно отвечай! Где жена?!!

Даниил как зомбированный встал, отчего-то чмокнул маменьку в маковку и отправился напрямик в ванную. Через секунду уже было слышно, как там с силой хлещет вода. Акакий немедленно предположил худшее.

– Довела мальчика!! – петушком крикнул он. – Топиться пошел!!

– Уймись, – выдохнула Клавдия. – Это он не топится, это он специально воду включил, чтобы не слышать, как я его допрашивать буду. Ну что ж, придется самой и вопросы задавать, и самой же на них ответы придумывать... Ну все самой, все самой... Кака, ну ты прилип там, что ли? Собирайся домой! Нас здесь сегодня не любят.

Акакий поплелся в прихожую, прислушиваясь к шуму в ванной, Аня же родителей не задерживала, что и говорить, ей еще предстояло многое сделать: не дело это – имя брата марать.

Клавдия Сидоровна двигалась к дому семимильными шагами. Акакий Игоревич не успевал за ее поступью, поэтому быстро-быстро семенил ножками, а когда и вовсе безнадежно отставал, бежал вприпрыжку.

– Клавочка, на нашего Даню все равно никто дурного не подумает. И на Лилю тоже. Да там ведь ясно было написано – Растузон! Ну и фамильичку сочинили, правда же, хи-хи... не стоит так волноваться, я думаю!

– Тебе не надо думать, Кака. Это для тебя занятие бессмысленное! А фамилию такую специально придумали, чтобы именно на нашего Даню и подумали, – оборвала пылкую тираду Клавдия, остановилась посреди улицы и воздела руки к небесам. – Господи, какой позор! Все, буквально все теперь на него будут тыкать пальцами! И наша соседка с пер-

вого этажа – Маруся Семеновна, и Вероника Дмитриевна, которая под нами, и Тришковы, и эти-то... ну, на пятом живут, всегда еще мне завидовали! Говорили: «Надо же – муж такой плюгавенький, а какие дети красавцы!» Семиноговы, вот! Нет, надо закатывать рукава, отмывать честь сына...

Клавдия так горестно выла на ближайший фонарь, так мотала головой, что ее шапка колоколом качалась из стороны в сторону, грозя обрушиться в грязный снег. Прохожие замедляли свой ход, с опаской поглядывали на здоровенную бабищу, которая трясла кулаками, и переходили на бодрую рысь. Клавдия же, немного повыв для порядка, снова устремилась к дому. Акакий наконец уцепил супругу за локоток и теперь от быстрой ходьбы время от времени поскальзывался, повисал на руке жены и, дабы ее не раздражать, всю выражал ей свою моральную поддержку.

– Правильно, Клавочка, я того же мнения. Надо, надо закатать рукава! Нет, ну Лиля-то какова, а? Я говорю – Лиля-то какова, а? Клава, а я вот думаю, – все тужил о своем Акакий. – А может, и на лыжах меня ножичком, того...

– Хочешь сказать – тебя ножичком тоже Лиля? – грозно нахмурилась Клавдия.

– Ой, ну как ты могла подумать!! – мигом сориентировался Акакий, хотя именно эта дурная мысль посетила его светлую голову.

На Лилю и в самом деле думать такое было грех. Даниил с женой жили уже больше пяти лет, и все это время молодая

женщина показывала себя только с выгодной стороны. Правда, она была падка на тряпки, коллекционировала платья и костюмы, но Даню любила искренне, никаких других мужчин для нее не существовало, кроме супруга, а его родителей она почитала пуще своей родной матери. Да и гулянками ее упрекнуть было нельзя – прилежно ждала мужа с работы, смотрела сериалы, а любые развлечения без мужа ей были неинтересны. Нет, хорошая невестка досталась Распузонам, жаловаться было грех. Так что же произошло? И где теперь несчастная Лиля? А в том, что сейчас она была несчастна, Распузоны не сомневались ни минуты.

Дома Клавдия первым делом привела себя в порядок – приняла душ, намазала лицо кефиром, налепила на веки кружочки из картошки и блаженно улеглась на диван – горе горем, но красота страдать не должна. Акакий Игоревич крутился тут же. У него были свои планы на кефир, уже неделю он принимал на ночь кисломолочный продукт, дабы не шалил кишечник, но с Клавдией спорить было несподручно. Поэтому он только вздыхал и поглядывал, как бессовестный кот Тимка сначала потихоньку подбирался к хозяйке, а потом и вовсе устроился на подушке и принялся поспешно слизывать маску с лица.

– Кака, не щекочи мне подбородок, – не открывая глаз, пробормотала Клавдия. – Ну что за старческие фантазии? Думай лучше, где мы будем искать Лилю? Ка... Кака!!! Пошлак! Чему ты научил кота?!

Клавдия наконец разлепила веки с картофельными кружками, узрела кота и зашлась от возмущения.

– Клавусик, а я уже и придумал! – отвел беду Акакий. – А надо просто позвонить Ирине! Не может быть, чтобы родная мать не знала, где прячется ее дитя! Я как-то вот так напыжился и сообразил!

Клавдия крикнула. Черт, ведь и в самом деле, Даня же говорил, что Лиля уехала к матери.

– Хорошо, Кака, – бурчала Клавдия, уворачиваясь от настырного кота. – Продолжай меня радовать дальше. Сообрази теперь что-нибудь на ужин. А я позвоню Ирине.

Акакий Игоревич скис. Становиться к плите вовсе не хотелось.

– Клавочка, а может, обойдемся колбаской? – нерешительно проблеял он. – На ночь глядя, для твоей фигуры лучше колбаска, чем полноценный ужин. Тебе уже давно пора худеть...

Никогда бы он не решился сказать такое, если бы Клавдия уже не говорила по телефону:

– Алле!! – паровозным гудком трубила она. – Ирина? Это я... Ирина!

Ирина трубку подняла, но было слышно, что ее кто-то отвлекает, поэтому отозвалась родственница не сразу.

– Ой! Клавочка, это ты? – наконец фальшиво обрадовалась на том конце провода Ирина Адамовна. – А я... Я тут немножко занята... у меня гости.

Маменька Лили – Ирина Адамовна была дамой еще совсем не пожилой. Сама себя она считала еще вовсе даже юной и думала, что никто про истинный ее возраст не догадывается. Долгие годы она влачила безрадостное существование в пригороде, пока не догадалась завести свое дело. Она стала плодить кроликов. Кролики отнеслись к этому делу с пониманием, размножались с энтузиазмом, и вскоре нехитрое производство вынесло женщину на новую жизненную волну. Она переехала в город, бизнес ее так и крутился в деревне, но теперь за кролами ходили нанятые работники, сама же Ирина навещала в крольчатники раза три в неделю, неплохо себя обеспечивала и была весьма довольна судьбой. Портило жизнь только отсутствие надежного верного спутника жизни. А посему Ирина Адамовна находилась в вечном поиске – она искала свой идеал. Но ведь всем известно, пока этот самый идеал отыщется, столько живого материала надо переработать. Вот и сейчас, похоже, на проработке находился очередной кандидат в идеалы, потому что где-то далеко в трубке слышался мужской голос. Клавдия не стала зря терзать сватью, а просто попросила:

– Ир, ты Лилию к трубочке позови. Чего-то я давненько ее не слышала.

– А... А Лилички нет... она... Клавочка! Она же за границу уехала, отдыхать! Привет тебе передавала, – бездарно врал Ирина Адамовна.

Клавдия была женщиной прямолинейной и не терпела,

когда другие врут.

– Ты мне, Ириша, приветами настроение не порти. Вот у меня уже и давление запрыгало, потому что я даже отсюда вижу, как ты врешь! И в кого ты только такая уродилась – врешь и врешь! И кому? Мне! Забыла, как я тебя из тюрьмы вытянула?

Ирина в трубке засопела. Клавдия и в самом деле не так давно вытащила ее из неприятной ситуации.

– Ой, Клавочка, и правда забыла! – защелбетала лгунья. – Забыла, а вот теперь вспомнила! Лиля и не за границей во-все! И не отдыхает! И никаких приветов тебе отродясь не передавала, с чего бы? Она у нас по делам, в крольчатнике. Там Мадонна должна окролиться, так вот Лиле сейчас там самое место!

– Самое место для Лили возле мужа! Тем более сейчас! – не выдержала Клавдия очередного вранья сватьи. – Ты что – не читала газету? Там твоя дочь черт-те каких дел наворотила, а теперь у кроликов прячется!

– И ничего она не воротила! – кинулась защищать дочь Ирина Адамовна. – А только к мужу она пока не может вернуться, пока ее честное имя не будет отмыто! Нет, это же надо такое придумать – наша девочка кого-то там отравила!

– И я про то же! Ей надо здесь бучу поднимать, судить этого борзописца, а она...

– Ага – надо! А если она боится?! Это хорошо, когда они с Даней вместе были, ей тогда ничего не страшно было, а

теперь они поссорились, и куда ей?! Сама она не знает, куда податься, кто ее защитит? Ты, что ли?

– Да хоть бы и я! – выпятила грудь Клавдия. – Да только как ее защищать, когда она там с Мадоннами кролится? Ни поговорить с ней, ни порасспросить... Кстати, а какую подругу она прикончила?

В трубке долго пыхтели, потом оскорбленный голос произнес:

– Она никого не приканчивала, между прочим...

– Да я знаю, знаю. Ну кто та бедолага-то, которая умереть надумала? Что за подруга? Где живет? Как зовут?

– Откуда я знаю? – взорвалась Ирина, вероятно, догадалась, что Клавдия уже приступила к допросу. – У нее и не было никаких подруг. Все только «Данечка, Данечка!». Вот я тебе ее завтра привезу, а ты уж сама у нее выясняй.

Ирина определенно тяготилась беседой. Да и голос «за кадром» уже нетерпеливо гнусавил, чтобы она «бросала болтать, потому что все свечи уже сгорели совсем. И что это за романтический ужин вдвоем, когда Ирина болтается на телефоне черт-те с кем?»

Клавдии не понравилось замечание про «черт-те с кем», однако воспитывать наглеца сейчас она не собиралась, еще будет время, а потому попрощалась и отключилась. Похоже, этот возлюбленный у сваты задержится надолго. Уж как-то так получалось, что чем развязнее мужик, тем больше он нравился ветреной сватье. Опять же – какой ни есть, а ба-

нальный ужин при свечах устроил. И где там Кака?

— Кака! А может, и нам эту колбаску... при свечах? Получится нежный ужин на двоих... — мечтательно закатила глазки к потолку Клавдия.

Но все ее мечты разбились от напористого звонка в дверь.

На пороге радостно сияла новенькой вставной челюстью любезная свекровь Клавдии — Катерина Михайловна, вместе со своим спутником жизни Петром Антоновичем. Клавдия только шмыгнула носом, и жизнь для нее окрасилась в мышиные тона.

Катерина Михайловна растила Акашу одна, мальчика лелеяла, пестовала и сдувала пылинки. Невестка ей виделась непременно кроткой, смиренной девушкой с высшим образованием, с мощной зарплатой, с закоренелыми навыками хозяйки и с вытянутыми губами — дабы еще пуще сдувать пыль с драгоценного Акаши. Ничего общего с этим портретом Клавдия не имела, и поэтому долгое время свекровь выражала свое неудовольствие вдалеке от родного сына, даже в другой город переехала. Однако с годами она вдруг прозрела и поняла, что жить под теплым крылышком презренной невестки куда как удобнее и сытнее, нежели на скудную пенсию, и поэтому, быстренько полюбив Клавочку, перебралась к сыну на постоянное жительство. Клавдию такая перемена повергла в уныние, однако не выгонять же старушку, тем более что жили они с Какой в доме Катерины Михайловны. Оставалось только уповать на милость судьбы, то есть на то,

что милейшая Катерина Михайловна возьмет да и выиграет какой-нибудь домишко или же сдуру выскочит замуж на старости лет. А у ее избранника, откуда ни возмись, вдруг окажется своя квартира, и «молодые» съедут к супругу. Судьба вняла молитвам Клавдии Сидоровны, и свекровь на самом деле взяла и вышла замуж за Петра Антоновича. И у того действительно оказалась своя квартира. «Молодуха» съехала к мужу, а Клавдия облегченно выдохнула. Однако на этом подарки судьбы закончились. Это Клавдия и Акакий поняли сразу, как только к ним вместе с чемоданами заявила матушка с новеньким мужем – свою квартиру старички решили сдавать в аренду, дабы копилась денежка, а сами придумали пожить у деток.

Долго скрипели зубами по ночам осчастливленные детки, но вот недели две назад из далекой провинции, где-то под Краснодаром, пришла скорбная весть – Петру Антоновичу срочно предлагалось выехать в родные пенаты, потому как его престарелая матушка девяноста семи лет всерьез решила перебраться в мир иной. Для этого ей необходимо попрощаться с родной кровинушкой, то бишь с Петром Антоновичем, и огласить ему свое завещание. Предполагалось также, что кровинушка достойно упокоит матушку, справит положенные девять, а позже и сорок дней, затем получит все, что предписано по завещанию, а уж потом, переполненный скорбью и печалью, отбудет восвояси. По самым скромным подсчетам, поездка на родину должна была продлиться не ме-

нее полутора месяцев. Естественно, на такой срок Петр Антонович не мог оставить горячо любимую супружницу в одиночестве, засобиравлась и Катерина Михайловна. Клавдия и Акакий боялись даже радоваться, дабы не спугнуть неожиданную удачу. И только когда достойная парочка прислала телеграмму о том, что добрались нормально, Распузоны ослабились. И, как выяснилось, напрасно. Не прошло и двух недель, как вот вам, пожалуйста, – в дверях все те же радостные лица!

– Клавочка, а вот и мы! – ошастливила свекровушка, толкая в прихожую грязноватый баул. Затем пригляделась к невестке и недовольно заметила: – Ты совершенно отвратительно выглядишь, вон какие брылья отвесила, и глаза, как у больной собаки. Я понимаю, тебе без нас было тоскливо, но уже все, хватит скучать, мы вернулись. Зажги же в очах искры восторга.

– Вообще-то, мамаша, до этого момента они у меня горели, – не сдержалась Клавдия. – А чего так скоро? Где положенные сорок дней?

– Прекратите кощунствовать, – втискивался в маленькую прихожую Петр Антонович. – Моя матушка вовсе не собиравась помирать! Она здравствует, полна сил, энергии...

– ...Только немножко из разума выжила, – заворчала Катерина Михайловна. – Представь, Клавочка, она хотела таким образом познакомиться с невесткой, то есть со мной, и самое непостижимое – я ей не приглянулась! Она сказала,

что я профурсетка!

Воспоминания о знакомстве, видимо, были настолько тяжелыми, что свекровь сбросила пальто на пол, остервенелю скинула сапоги и, высоко задрав голову и растопырив руки, унеслась рыдать в санузел. Вероятно, ей казалось, что в данный момент она очень похожа на трепетную бедную Лизу.

– Катенька, надолго туалет не занимай! – крикнул ей вдогонку супруг и пояснил растерянной Клавдии Сидоровне: – В этих самолетах так жутко кормят, боялся, что без конфуза не обойдется. Вот и Катеньку пронесло... А где мой любимый пасынок?

Пасынок Кака трусливо зарылся в одеяло и показываться сегодня любимым родителям не собирался. Обязательно случится так, что придется бежать в магазин за кефиром для Петра Антоновича, благо магазины теперь работают круглосуточно, или же отчиму приспичит свежую прессу почитать, любит он уединиться в «белом кабинете» с последней газетой. Так оно и вышло.

– Клавочка, – донесся до Акакия слащавый голос Петра Антоновича. – А нет ли у вас сегодняшней газетки? С этими поездками совсем отстал от политической жизни... Ах, вы колдуете у плиты, тогда не смею вас тревожить, я сам, сам... Кстати, не нужно экономить! Можно приготовить не только яичницу, мой желудок соскучился по свинине и кровавому бифштексу.

Акакий вздохнул, глубже забрался под одеяло и вскоре

сладко засопел, прижимая к себе теплое тельце кота Тимки.

Клавдия уже топталась возле шипящей сковороды и лихорадочно костерила Каку – сын Даня уже давненько предлагал им купить новую квартиру, однако Акакий Игоревич выставил ножку вперед и гордо заявил, что никогда не оставит свое родовое гнездо! Живи теперь в этих «графских развалинах» до гробовой доски.

– Клавочка... – растерянно всплыла в кухню Катерина Михайловна. – Ты только посмотри, что обнаружил у вас в туалете Петр Антонович!

– Мамаша! Ну что у нас там можно обнаружить? – уже заводилась постепенно Клавдия.

Она вдруг сообразила, что яичницы и в самом деле будет маловато, а роскошный ужин на ночь глядя готовить совсем не хотелось.

– Мамаша, вы бы ему посоветовали искать где-нибудь в другом месте.

– Нет, Клавдия, ты не увиливай! – повысила голосок свекровь. – Ты лучше мне объясни, как такое могло получиться? Стоило мне отлучиться и, пожалуйста – наша знаменитая фамилия покрыта грязью позора! Что это, я спрашиваю?

Старушка нервно дергала тапкой и тыкала в нос Клавдии кусок газеты. Конечно, это была та самая скандальная газетенка с мерзкой статьей.

– Ну и что вам, мамаша, не нравится? – забыв про ужин, уперла руки в бока Клавдия. – Чего вас взволновало? Ка-

кой-то Растузон распустил свою жену, она от пьянства погубила свою подругу, мы-то здесь при чем?

– То есть как это при чем? – захлебнулась негодованием пожилая дама. – Я спрашиваю – кто посмел так испохабить нашу фамилию?! Наш род никогда не был Растузонами! Еще не хватало нам носить какое-то карточное погоняло!! В нашей фамилии явно просвечиваются французские корни! А это... это какая-то уголовщина!

Клавдия клацнула челюстью и нервно задергала правым веком:

– Маменька... Вас оскорбило, что там красуется не наша фамилия, я правильно поняла? Вы статейку-то читали? Там вообще-то про убийство говорится. И еще – там настойчиво намекают, что наша Лиля...

– Я тебя умоляю! – поморщилась свекровь. – Намекают! Какое убийство, если милиция не стала даже заниматься этим делом? Даже подозреваемую не задержала? А ты мне тут будешь рассказывать сказки, что наша Лиля... Кстати, а где она? Я бы хотела с ней завтра встретиться и поговорить. Можно будет подать в суд на эту газетенку за коверканье нашей фамилии. Как ты думаешь, Клавдия, в пятьдесят тысяч оценить моральный ущерб, этого будет достаточно? Хотя... откуда тебе знать, это же мой ущерб!.. Клавдия, я завтра найду этого писарчука, так и знай! А то совершенно неуютно чувствовать себя ущербной. Я тогда себе напоминаю... а, кстати, где он? Где мой сын?! Акакий!! Акаша!

Как ты можешь храпеть в обнимку с котом и еще не обнять свою мамочку?!

Клавдия судорожно выдохнула. Ну наконец-то матушка переключилась на Каку и, может быть, вышвырнет из головы эту дикую идею – искать нерадивого журналиста. Если еще и Катерина Михайловна влезет в это дело, тогда ожидать можно всего, чего угодно.

Ранним утром, когда сон еще ласкал Клавдию Сидоровну мягкой лапкой, в ухо влетел пронзительно-бодрый клич:

– На зарядку, на зарядку, на зарядку, на зарядку становись!!

Еще не просыпаясь, Клавдия сурово сдвинула брови, клич должен был догадаться, что пробуждение ее будет ужасным. Для него. Однако тот не понял всей степени опасности и продолжал ретиво выкрикивать лозунги во славу утренней гимнастики. Клавдии пришлось-таки разлепить веки. Возле ее кровати в огромных футбольных трусах скакал Петр Антонович и, точно мельница, крутил руками.

– Клавочка! Подъем!! – заиграл он глазками.

– Петр Антонович! А не поскакать ли вам к Катерине Михайловне? Чего это вы здесь, я извиняюсь, козлом пляшете? – попыталась не дерзить Клавдия. – И вообще! Подите вон, я не одета.

Отвязаться от прыгуна оказалось не так просто.

– Нет-нет! Не спрячетесь, проказница, – хихикал престарелый кавалер и тыкал скрюченным пальцем Клавдию в

бок. – Вставайте, вставайте! Долго спите, дитя мое. Пора приготовить тело к многотрудному дню!

– Вы, я вижу, уже приготовили? – набычилась Клавдия. – Сейчас этот многотрудный день для вас и начнется...

Не вполне соображая, что делает, она вынырнула из постели, сграбастала старичка и потащила в прихожую. Там, запихнув его в платяной шкаф, два раза повернула ключик и с удовольствием снова растянулась на кровати.

Второй раз пришлось проснуться от крикливого голоса свекрови:

– Акакий! Ответь мне, как матери, отчего ты так распустил жену?! Это ж надо – моего законного супруга запихать в шкаф!

– Да! – вторил ей обиженный баритон Петра Антоновича. – Как какого-то шелудивого кота!

– Нет, ну Клавочка, вероятно... – блеял несчастный Акакий, но ему не давали вставить и слова.

Престарелая чета наседала:

– В мои годы в шкаф пихали исключительно любовников, а тут...

– Нет, Катенька, я еще согласен, если бы как любовника, я бы и не прочь... В том смысле, что... Катенька, ну что ты себе вообразила?! Акакий! Немедленно отвечайте! Когда наконец ваша жена оставит меня в покое?! – уже визжал старичок.

Клавдия поняла, что спокойный сон удержать не удаст-

ся, выползла из-под одеяла и, накинув халат, появилась перед очами родственников.

– Доброе утро, – криво улыбнулась она, направляясь в ванную.

– Нет уж, Клавдия, позволь! – преградила ей путь разъяренная свекровь. – Абсолютно ничего не вижу доброго! Отвечай, будь любезна, чего это ты Петра Антоновича зашвырнула в шкаф, как ненужную тряпку, а? Вполне еще годный мужчина, а ему такое унижение!

Клавдия вспомнила, куда затолкала неумного свекра и невинно захлопала глазами:

– Батюшки мои! Так это был Петр Антонович?! Ах ты, несчастье какое! А я ведь его с котом, с Тимкой нашим, спутала! Сплю я, а возле меня кто-то так и скачет, так и прыгает, да еще и пальцами меня в бок – тык да тык. Ну разве ж я могла подумать, что такой степенный мужчина... Думала, Тимкамыш поймал и дурачится, честное слово, со сна и не разобралась, сунула в шкаф да и забыла. А это вы, стало быть, к нам в спальню прискакали?

Петр Антонович покрылся багрянцем.

– У меня был утренний моцион... И потом, вы, Клавочка, храпели!

Но этот маловразумительный лепет уже не мог спасти ситуацию.

– Клавочка, детка, ступай, приведи себя в порядок. А то тебе зачем-то звонила Ирина, хотела прийти, – сделалась лю-

безной свекровь. – Надо бы в магазин сбегать, все ж таки неловко принимать гостей с пустым столом... Та-а-ак, Петр Антонович!..

Клавдия юркнула в ванную, включила воду и, фыркая под холодной струей, вдруг сообразила – Ирина обещала привезти Лилю! С невесткой обязательно надо переговорить. Но можно себе представить, что это будет за разговор при стариках.

– Ирина! Это Клавдия беспокоит, – уже через минуту шептала она в телефонную трубку, закрывшись в кухне. – Ирочка, я... да я поняла, что ты с Лилей, только... я хочу сказать, что к нам приходить... нет, не надо... я сейчас сама... да, да, сама забегу!.. Через полчаса буду.

– Клавочка, – появилась в дверях Катерина Михайловна с двойным тетрадным листочком в руках. – Я тут набросала список продуктов, все ж таки у нас будут гости... Знаешь, страшно хочется кутить и сорить деньгами, у меня так ужасно начался день! Клавочка, только постарайся найти малосоленую семгу, от другой рыбы я постоянно хочу пить. Нет, если бы не гости, я бы не стала так разбазаривать деньги Акакия, но Ирина... Прямо так и просится, так и просится, ну никакого такта!

Катерина Михайловна лукавила. Она очень любила шумные посиделки и пресному обеду предпочитала богатый праздничный стол. А тут с самого утра такая удача – Ирина сама напросилась в гости!

– Мамаша, я вас так понимаю, – скорбно устроила свою длань на крохотном плече свекрови Клавдия. – Конечно, я прямо сейчас понесусь в магазин. А вы, если меня долго не будет, можете отварить сосисок, творог достаньте, сметана там есть. Кота я накормила, Каке много есть не давайте, у него гастрит. Да вы не бледнейте, я не долго.

Катерина Михайловна еще не успела ничего сообразить, а Клавдия уже спешно втискивала ноги в сапоги.

– Клавдия, я с тобой! – выскочил из комнаты Акакий, где обиженный отчим учил его, как надо держать женщин в кулаке. – Клавочка, я тебе нужен как мужчина – тебе не унести столько пакетов!

Поскольку он оделся быстрее Клавдии, отвязаться от него не удалось.

– Иди уже, горе мое... Да что ж ты скользишь все время? Ты бы на лыжне вот так-то бы!.. Сейчас мы к Ирине, – пояснила жена Акакию Игоревичу, двигаясь к сватье. – Она Лилу привезла, там и поговорим.

– А как же магазин? – цеплялся за рукав жены Акакий Игоревич, постоянно скользя и падая. – Мама будет ждать. Мы же хотели гостей к нам... Клавдия, я считаю, надо в магазин, мама хочет сорить деньгами!

– Матушке я дала инструкцию, как не умереть с голоду при полном холодильнике. А у нас нам не дадут побеседовать с Лилей, неужели не понятно! – пояснила Клавдия, но, видя, что Акакия все еще тянет в магазин, спросила без оби-

няков: — И вообще, Кака, ты взял деньги на тот продуктовый списочек? Твоя маменька жаждала сорить исключительно твоими деньгами.

Акакий Игоревич отчетливо икнул, загрузил глазами и вдруг яростно зажестикублировал:

— Клава, ты права! Ты знаешь, в этот раз я полностью с тобой согласен! Какие, к черту, списочки, когда у нас висит дело! Вот прямо тут... Клавочка, посмотри на мою шею, вот прямо на ней и висит! Даня, Лилечка... Клава, а ты предупредила Ирину, что мы придем? Как ты думаешь, а она успела в магазин сбегать?

Глава 2

А был ли мальчик?

Неизвестно, бегала ли Ирина в магазин, но гостей она встретила чаем с домашней выпечкой, бутербродами с ветчиной и сыром, а также предложила чашечку с креветками и бутылочку пива. Последнему Акакий Игоревич особенно обрадовался, заиграл глазами, задергал щечками и, казалось, вовсе забыл, для чего, собственно, прибыл.

– Ну давайте уже, давайте усядемся, – по-хозяйски приглашал он к столу, но его никто не слушал.

Ирина порхала вокруг Клавдии, а та все никак не могла найти себе места – Лиля приехала совсем недавно, принимала душ, и ее ждали. Наконец девушка появилась перед женщинами, и Клавдия тут же приткнула голову бедолаги к своей тыквенной груди.

– Девочка моя... дурочка... Ну и на кой черт от Дани убежала? Тот себе места найти не может, эта вся с лица спала... Ну на что это похоже? – басыла она, умываясь слезами и нещадно наглаживая невестку по волосам.

Волосы невестки от таких ласк электризовались, вскакивали дыбом к потолку, но Лиля на это не обращала никакого внимания. Она и правда выглядела не лучшим образом. Лицо у нее осунулось, худенькая спина, казалось, сгорбилась, а

глаза и нос были красными и распухшими.

– Вот! Клава, ты на нее посмотри! – хлестала себя по бокам Ирина. – Ревет и ревет, а назад не идет! Ну не дура, а? Лиля, я тебе честно скажу как женщина – ты дура! Такого Даню нельзя оставлять одного даже на день! А ты его еще и на ночь умудрилась бросить! Да не на одну! Господи, ну совсем без ума девка, совсем!.. Клава, пока они не помирятся, я настоятельно требую, чтобы Даня жил у вас, под твоим присмотром!

– Да угомонись ты, – махала на нее рукой Клавдия Сидорова. – Сейчас мы побеседуем, а потом Лиля соберется и поедет домой. Не дело это – замужней женщине черт-те где ошиваться.

– Вот и я говорю, – жарко поддерживала Ирина. – Не дело! Ошивается черт-те где... Клавдия, а где она ошивается? Она ж только дома, да с кроликами еще... Кстати, Лилечка, расскажи свекрови, сколько крольчат принесла Мадонна! Клава, ты не представляешь! Эта крольчиха побила все... кхм... а давайте и правда к столу!

После пяти минут молчаливого жевания Клавдия заговорила:

– Лиля, ты уже знаешь про статью, да? Ну вот я о ней и хочу поговорить. Кстати, сразу скажу, мы ни на секунду не верим, что это ты там кого-то отравила.

– Да! – подтвердил Акакий, который уже уговорил бутылочку пивка. – Мы не верим. Я только хотел спросить, а это

не ты меня ножичком в спину, там, на лыжах?

Лиля вспыхнула и испуганно открыла рот.

– Лиля! Ну что ты пугаешься? Это же Кака образно! Ну, дескать, его так взволновала статья, что будто ножом в спину... – ласково успокоила Клавдия невестку и тут же отвесила тяжелую оплеуху мужу. – Думай, что мелешь!.. Ирина, дай ему свое сливовое варенье, у него сразу челюсть сведет... Мы не верим, но все же, Лиля, нам надо точно знать, что же такое произошло в этом клубе?

Лиля повертела кружку в руках и безрадостно открыла рот.

– Все началось... это я виновата, я такая ревнивая, все из-за этого и началось...

– Вот дурочка! – воскликнул Акакий. – А я дак никогда не ревную! Да к кому ревновать-то?!

Схлопотав очередную затрещину, мужчина приумолк и с деловым видом принялся потрошить креветки.

У Лили все началось с ревности, а если уж совсем точно, то с телефонного звонка. Звонила какая-то неизвестная женщина и, неимоверно кривляясь, затарахтела в трубку:

– Аллеу! Это квартира Данечки Распузона? Мне нужен Даня, позовите его к телефону.

И ни тебе «здрассьте», ни «извините за беспокойство». Лиля напряглась. Никто и никогда не звал мужа Данечкой женским голосом. Конечно, кроме нее самой и его взрывной матушки. Но это была явно не Клавдия Сидоровна и, уж ко-

нечно, не сама Лиля.

– Даниила Акакиевича нет дома. Боюсь, что сегодня он не сможет с вами переговорить, у него совещание, – сухим официальным голосом сообщила Лилия и не удержалась: – А кто его спрашивает?

– Его спрашивает... а, это неважно. Короче, барышня, передайте Данюше, что двадцать восьмого, в семь, собираются одноклассники. У нас вечер встречи в кафе «Троянда». Надеюсь, информация будет передана. Хотя я постараюсь перезвонить ему на работу.

После такого обещания у Лилии окончательно погребло все настроение. Она тут же позвонила матери и пожаловалась, что у мужа появилась противная одноклассница, и они собираются в «Троянде».

– Лилия, ты дурочка! – зашебетала в трубку Ирина. – Не вздумай устраивать Даниилу скандал, одноклассница – это еще не повод для ревности! Ты посмотри, на кого уже похожи эти одноклассницы! Они же древние! Ты по сравнению с ними – аленький цветочек!

– Мам, ну какой цветочек! Он же меня не будет видеть! А те, они с опытом, мудрые! Опять же, у них там всякие первые любви, воспоминания...

– Ага... Ага... – на секундочку призадумалась Ирина и тут же на-гора новую идею выдала: – Лилечка! А я бы так специально! Вот специально нарядилась бы, надела то платьице розовое, ну помнишь, ты в салоне покупала? И заяви-

лась! Ты в этом платье ну прям выпускница детского сада! Прям девочка совсем! И пусть бы те одноклассницы себе локти кусали, здорово?!

Мать Лилию так и не сумела утешить. И все это неправда, что там старухи. Посмотрела бы она сейчас на женщин – фига кто узнает, сколько лет у них в паспорте напечатано. Даня всегда говорил, что с ними и поболтать можно, и танцуют – любую молодую обставят, и вообще – обхохочешься!

К тому моменту, когда Даниил вернулся домой, Лилия, окончательно расстроенная, придумала увезти мужа к матери на дачу.

– Даня! Ты не представляешь, двадцать восьмого мама пригласила нас к себе на дачу! – фальшиво радовалась она, прыгая вокруг мужа. – Только подумай – снег, елки... Можно лыжи взять, только я на них ездить не умею. Даня! Я придумала! Ты обязательно меня научишь кататься на лыжах!

Муж чмокнул Лилию в щеку и шутливо пропел:

– А у меня предложение лучше! Я возьму вас с тещей путевку на два дня в «Снежный барс», это такой туристический дом отдыха. Там и инструктор по лыжам будет, и массажист, и косметолог, и диетолог, и даже выставка мод. Ну как, здорово?

– Ничего здорового, – отвесила губу Лилия. – Я, конечно, не против «Снежного барса», но чего это я туда с мамой? С тобой и поедем.

Даня уселся за стол и, нисколько не переживая, возразил:

– Нет, Лилечка, не получится. Во-первых, я на лыжах не ездец, во-вторых, меня эти ваши женские мероприятия – косметика, массажи и прочая лабуда – ну совсем не будоражат, а в-третьих, двадцать восьмого у нас вечер встречи с выпускниками. Так что – давай лучше с мамой.

Лиля обиженно запыхтела, и на глаза ее навернулись слезы. Она доставала из духовки запеченное мясо и безнадежно бубнила:

– Между прочим, у маменьки новый возлюбленный! Достаточно молодой мужчина, она сама мне говорила. И совсем не дело, если я буду рядом околачиваться. Мама говорит, когда я прихожу, он сразу осознает, сколько ей лет! И вообще! Косметолог у меня и свой есть, а диетолог... знаешь, какого мама диетолога привезла? Пальчики оближешь! За неделю на семь килограммов помогает похудеть, как нечего делать! Зачем мне в этот «Барс»?

Даниил, нисколько не смутившись, потрепал жену по волосам, как маленькую, а потом потерся носом о ее нос.

– Ну и не надо никуда ехать, будешь меня дома ждать. Ой! Ты сегодня как китайский повар: все приправы, какие в магазине нашла, в одну сковородку убухала! И все равно вкусно! – довольно потирал он руки.

– А если не дома? – гнула свое Лиля. – В смысле, если я тебя не дома ждать буду? А если я с тобой пойду? На встречу?

– Зачем? – вытянулось лицо супруга. – Там все одни бу-

дуг, да и неинтересно тебе будет! Ну ты сама подумай – у нас же свои воспоминания, у кого-то первая любовь, кто-то с кем-то дрался, кто-то с кем-то за одной партой сидел, столько случаев...

Лиля не выдержала. Знала, что надо держать себя в руках, но ее уже несло:

– Ага! Первая любовь! Я так и знала! – Лиля схватила из шкафа тарелку, которая похуже, и демонстративно грохнула ее о паркет, аккуратно, чтобы не повредить мебель. – Ну и иди! Беги к своим одноклассникам!! А я тебя тоже ждать дома не буду! Я уйду! Я от тебя так устала, так устала... как от... как от своего халата! Он у меня уже старый – третий месяц глаза мозолит! А в бутик такой красивый завезли! И совсем новый! Все! Ухожу! К маме! К диетологу!

Наверное, она еще что-то говорила, разве все упомнишь. Даня же был спокоен и невозмутим:

– Нет, ну правильно, накрошила тут посуды, а теперь к маме. Я тебя где-то даже понимаю... А чего ты по поводу халата? Денег, что ли, на новый пеньюар не хватает? Так возьми...

И Даня вытащил из бумажника крупненькую купюру.

– Ой! – взвизгнула от счастья Лиля.

Даня всегда яростно противился, когда она покупала на дню по четыре тряпки. Лилечка никогда не успевала все их сносить, они выскакивали из моды. И деньгами он жену излишне не баловал, все равно она их спускала в первые же

полчаса на ненужные тряпки. Но сейчас, неожиданно, сам предложил! Лиля даже подпрыгнула и чмокнула его в щеку.

– Но... – вдруг опомнилась она. – Я все равно уйду к маме!

Лиля вдруг придумала, как себя успокоить. Все очень просто – она купит новую одежду, парик, тонированные очки и, окончательно перевоплотившись, тоже придет в эту «Троянду»! Только не к семи, а часикам к десяти, когда все уже напьются и потеряют бдительность. Идея показалась настолько заманчивой, что молодая женщина уже совершенно спокойно собралась к маме.

– Даня, я пробуду там денька два, ты меня не теряй. Ничего страшного, отдохнем друг от друга, ты с одноклассниками, я... с диетологом, нам пора всколыхнуть чувства.

И она ушла. Даня, решив, что жена и в самом деле невозможно устала от семейного очага, отнесся к этому без возражения, только хрюкнул в кулак.

Двадцать восьмого, прямо с утра Лиля принялась готовиться. Ирина идею дочери поддержала с энтузиазмом и, спешно сплавив ради такого дела ухажера на недельку к родственникам, крутилась возле дочери с советами. Обе женщины решили, что парик – это дело ненадежное, проще нарастить свои волосы, и потому Лилечка уже с утра томилась в парикмахерской. Там и застал ее звонок.

– Алле, это Лиля Ивановна Распузон? – послышался в сотовом телефоне незнакомый женский голос. – Вас беспокоит компания «Маска». Вы не хотели бы сняться в рекламном

ролике? Мы могли бы предложить вам приличную оплату. И потом, многие девушки, которые снимаются в рекламных клипах, в дальнейшем с успехом находят себя в артистической деятельности.

– Я?! – подавилась от неожиданности Лиля собственной слюной. – А почему?.. что рекламировать?

– Н-ну... вы знаете, по телефону такие дела не решаются, – чуть замялась девушка. – Могу только сказать, что рекламировать придется ювелирные украшения, а у вас совершенно изумительные руки и шея. Но... Обо всех подробностях при встрече. Скажите, вы не могли бы сегодня к восьми подъехать в клуб «Мечты сбываются»? Там с вами встретится наш директор, с вами конкретно переговорят и в случае вашего согласия подпишут контракт.

Могла бы она подъехать?! Господи, об этом вообще не спрашивают! Под ногами у Лили вдруг совершенно отчетливо замерцал Млечный Путь. Она уже чувствовала себя капельку звездой – а то как же! Она ни за что не остановится на рекламе! Как там сказала девушка? Многие находят себя в артистической карьере? Ха! Лилечка уже давно подозревала, что именно там ей и место!

Барабания по коленке наманикюренным ноготком и косясь на мастера, Лиля нараспев промурлыкала:

– Вы говорите, в восемь? Сегодня... Пожалуй, я сумею выкроить время.

– Вот и славно! – обрадовалась невидимая девушка. – Зна-

чит, сегодня в «Мечтах». Я вас встречу.

Лилию несколько не насторожил тот факт, что подписывать контракт придется в бильярдном клубе. Во-первых, «Мечты сбываются» – это такое развлекательное заведение, где под одной крышей располагался и сам клуб любителей погонять шары, и небольшое казино, и маленький уютный ресторанчик. Цены там всегда были заоблачные, поэтому собирался исключительно народ серьезный и достойный. Во-вторых, эти «Мечты» находились совершенно недалеко от «Троянды», и после подписания контракта Лилечка с успехом могла заявиться на встречу Даниных одноклассников. Ну и в-третьих... а чего, собственно, настораживаться? Обычная встреча с директором рекламной компании в неформальной обстановке! Кто их вообще знает, как они подписываются, эти контракты!

Мусоля на языке это важное и непривычное словечко, Лилия ровно в восемь открывала дверцу своей машины возле сверкающего здания бильярдного клуба.

– А вы – Лилия?! – то ли утверждая, то ли спрашивая, зашепила к ней молодая приятная девушка в ярком красном костюме. – Меня можете звать Надеждой Пафнутьевной, или просто Надин.

«О господи, – внутренне перекрестилась Лилия. – Убей меня, ни так, ни эдак не запомню. А просто Надей нельзя было?»

На «просто Надю» девушка не тянула, и на Надежду Па-

фнутьевну тоже, а уж на Надин и вовсе. Она скорее была какой-нибудь Магдырлын – коренастая, невысокая, с чернушими раскосыми глазами, крепенькими кривоватыми ножками и смоляной копной блестящих волос.

– Пройдемте за столик, – приветливо предложила она. – Наш директор прибудет с минуты на минуту, вы же понимаете, у него столько неотложных дел!.. Но, я думаю, мы с вами не будем скучать, ведь правда? Поговорим немного о вас.

И так называемая Надин повела Лилию за столик. Едва девушкам принесли вино и фрукты, Надин, поблескивая колечком с бриллиантом... хотя нет, это все же был фианит, стала с интересом расспрашивать, какие украшения предпочитает сама Лилия, какой стиль одежды ей близок, какие цвета в ее вкусе и прочую, наверное, весьма нужную безобидную ерунду. Во время разговора Лилия изо всех сил старалась произвести самое благостное впечатление. Вина она старалась пить совсем чуть-чуть, высоко задирала голову, откидывала назад только что нарощенные пряди и подолгу задумывалась над самыми простыми вопросами.

– Лилечка, пейте, пейте, а я посмотрю, как у вас на бокале лежат пальцы, – сверлила взглядом ее руку Надежда Пафнутьевна. – Пожалуй, на стекле лучше рекламировать белое золото... М-да! За вас!

Лилия капризно поднесла бокал к губам и закатила глазки. Это должно было выглядеть красиво и произвести нужное впечатление. Неизвестно, какое впечатление она произвела

на Надин, но на представителей мужского пола, вероятно, неизгладимое. Потому что ее то и дело приглашали на танец, а Лиля то и дело отказывала.

– Вы напрасно не танцуете, – покачала головой Надежда Пафнутьевна, потягивая рубиновое вино из пузатого фужера. – Было бы очень недурно, если бы наш директор увидел вас в танце, я бы сказала, в движении, в пластике.

– Так его ж нет! – удивилась Лилия.

– Ну так он может подойти в любой момент! Он придет, а вы уже и в образе! Вы поймите, на ваше место целая дюжина конкуренток!

После этих слов Лилию буквально вынесло на танцевальный пятачок. Она уже и не видела, кто ее приглашал, главное – показать пластику. А это удавалось с каждой минутой все лучше и лучше, потому что вино все больше ударяло в голову, музыка пьянила, а предстоящая звездная карьера и вовсе сводила с ума.

После очередного сумасшедшего танца Лилия плюхнулась на стул и, обмахиваясь салфеткой, спросила:

– Наденька, а ваш директор, он чего так долго? Мне уже домой пора.

Наденька молчала, уткнув голову себе в грудь.

– Надя... Надежда... как же так?... Надежда! Вы что – уже отключились? – тряхнула девушку за плечо Лилия и с ужасом увидела, как та валится набок. – Надя... Господи! Гражданка!! Что это с ней?!!

Только что живая и здоровая черноглазая работница рекламной компании вдруг рухнула на пол. Страшная скрюченная поза, пена изо рта... Девушка была мертва. Тут же подбежали какие-то работники, потащили тело в служебное помещение, кто-то закричал, завизжала женщина, Лилю куда-то потащили и отпаивали почему-то водкой. Кажется, были вспышки фотоаппаратов... А после приехала милиция... или сначала милиция, потом вспышки... Или не было вспышек, просто огни в ресторане то гасли, то загорались... Лиля, которая сроду не пила крепленых вин, не говоря о водке, теперь толком ничего и не вспомнит. У нее в памяти образовались провалы. То она видит себя за столиком, вокруг снуют взбудораженные официанты, кто-то сует ей стакан с водой... нет, это и не вода, это... бр-р-р! Опять водка! Заставляют пить. Почему она их слушается? И кто здесь командует?! Ах, ну да! Это же директор рекламной компании!.. а почему он – старушка?.. И никакой не директор, тут и вовсе никого нет... Чулан какой-то... А вот она уже едет домой. И везет ее Даня. Сейчас они приедут, и она расскажет ему, что у нее впереди маячит карьера телезвезды!.. Мама... Мама?

– Я не помню, как добралась до маминого дома, – багровая от стыда, закончила рассказ Лиля. – Но я, честное слово, я не пила этого вина столько, чтобы так захмелеть! Там и градусов-то было... И потом, я один и тот же бокал весь вечер тянула, мне же главное было показать, как изящно смотрится моя рука! Вот я и старалась – то так бокал поверну, то

эдак, когда же пить?!

— Ну уж!.. — махнула на нее рукой Ирина и горько поджала губы. — Я не знаю, где ты там время отыскала, но когда я слышала, как ты горланишь песни на весь подъезд... знаешь, я ведь себе такого не позволяла!.. Клава, как ты думаешь, ее еще не поздно... того... ремнем воспитывать, а?

— Не смей! — воскликнул Акакий Игоревич и грозно долбанул кулачком по столу.

После бутылочки пивка он осмелел несказанно. Во время рассказа, пользуясь тем, что все не отрываясь смотрели в рот Лили, благороднейший Акакий Игоревич с самым трагичным выражением лица, по-бабьи охая, ахая и цокая языком, забрался в бар и выудил оттуда первое, что попало под руку. Под руку попала бутылка забористого рома. Распузона забрало, и теперь он долбил по столу двумя руками, аки весенний заяц о пень.

— Молчать всем! И не смей Лилечку драть ремнем по заднице! А потому как она невинна! Ха! Бить девчонку только за то, что она напилась! Да я сам, бывает, дома батоном валяюсь! И пусть только кто-о-о-о-нибудь...

Акакий Игоревич выкинул перед собой жиденький кулачок и теперь сам не знал, куда его пристроить. Клавдия с глубоким вздохом ухватила за шиворот буяна, поволокла его в комнату на диван, где легонько прижала своей массой. Свирепый муж, оскорбленно повизгивая, прикрыл глазки и вскоре затих.

– Клавдия... – выскочила из кухни испуганная Ирина. – По-моему, это жестоко... вот так взяла мужика и раздавила! Ну, подумаешь, напился, наговорил лишнего... Между прочим, мне этот ром одна гадалка дала, там чего-то такое намешано, чтобы у мужчин сила появлялась... ну ты меня понимаешь, да? Это я специально для своего берегла, а твой... Поэтому он и вел себя неординарно, сила у него появилась, а что с ней делать, он не успел сообразить. А ты его... Прямо, вот так взяла и задавила. Ты уж, Клабочка, про свой вес-то не забывай, я не говорю, что ты толстая, но если навалишься, как на дне океана – от давления разорвет!

Клавдия на всякий случай ткнула любимого в бок. Тот во сне тоненько захихикал и дрыгнул ножкой – Акакий Игоревич боялся щекотки.

– Ирина, я его еще не задавила, – успокоила Клавдия Сидоровна. – Это уж в следующий раз, когда напьется... Спит он. А ты мне ценную мысль подкинула. Пойдем-ка, нальешь мне чайку, да Лилию успокоим.

Лилия сидела за столом и безрадостно толкала в рот маленькие печенюшки.

– Вот что, – уселась перед ней Клавдия. – Тебе в вино что-то намешали. Ты же говоришь, весь вечер с одним бокалом сидела, так?

– Угу, с одним.

– Да с одним она сидела! – тут же влезла Ирина. – Кто ж ей два поставит. Нет, ну, Клава, я посмотрела на нее в тот

вечер, ей и одного за глаза хватило, честное слово.

– Вот я и говорю – тебе чего-то туда насыпали, не виновата ты, – продолжала Клавдия. – А уж потом, когда ты ничегошеньки не соображала, – водкой зашлифовали. Сама же говоришь – давали водкой запивать.

Лиля, поняв, что свекровь и в самом деле верит в ее невиновность, немного ожила.

– Ага, Клавдия Сидоровна, давали. А я еще думаю – чего это вода такая противная, прям не лезет в глотку, и все. Я ведь сначала даже и не пила!

– А потом? – грозно уставилась мать. – Потом зачем хлестала? Сидела на лестнице мне! Песенки распевала! У нее подружку убили, а она караоке в подъезде устроила!

– Мам, потом я не помню, пила или нет, – снова потупилась Лиля.

Клавдия задумчиво жевала пирожное вместе с бумажной салфеткой.

– Ирина, не шуми, ты мне мысли все пугаешь... Я вот думаю – а был ли мальчик?

– Нет, – решительно ответила Ирина. – Мальчика не было, была девочка. Это совершенно точно, девочка была. Но и ее уже, по всей видимости, нет. Отравили ее.

– Ирина! Это я тебе классическую фразу цитирую! – не выдержала Клавдия Сидоровна. – Я вот серьезно сомневаюсь – а был ли труп вообще? Лиля, а что – этот директор, он так и не появился?

– Не-а. Я все ждала, ждала, танцевала, танцевала, а он... Может, у него там совещание какое, тогда не смог вырваться, а теперь уже контракт пропал, где этот директор меня найдет?

– Вот и я про то же... – скривившись, продолжала жевать салфетку Клавдия, но выплюнуть бумагу так и не догадывалась. – Вот и я про то. Где они тебя, интересно знать, нашли? И почему контракты подписывать решили в этих «Мечтах»? И еще – была ли милиция? Вот Аня, например, говорит, что ей ничего не известно. А если бы что-то такое серьезное случилось, то уж, наверное, ей бы сообщили. Если была милиция, но дела не завели, тебя не задержали, значит... значит, и девушка не мертвая.

– Да? А где она тогда? А откуда эта противная газета? Могла бы и позвонить Лиле! – взбудораженно швыряла вопросы Ирина. – Господи, Клавочка, ну придумай что-нибудь, а? Ну неужели единственную нашу девочку... Лилечку... в тюрьму...

И она зашмыгала носом.

– Ирина, прекрати меня отвлекать! Ты же видишь, видишь мой лоб? Видишь, он в складочку? Значит, я думаю! А ты отвлекаешь! – разозлилась Клавдия. – Вот из-за тебя ни одна идея не приходит. Никаких условий!.. – Она еще минуточку помолчала, а потом решительно хлопнула ладонью по столу. – Вот что, милейшие дамы! Этот бантик с наскака не развяжешь. Конечно, я возьмусь за это дело, но... Ирина,

не надо истерик! На это нужно время. А пока, Лиля, кончай дурака валять, давай собирайся домой. Там и ты в безопасности, и Дане спокойнее, и Аня, если что – всегда под рукой. В обиду не дадим. Давай, собирайся.

У Ирины вмиг высохли слезы, а Лиля просто засияла.

– А Даня ничего... не сердится? – на всякий случай уточнила она.

– Некогда ему сердиться. Между прочим, он к тебе два раза приходил, сначала Ирина его в дом не впустила, а потом вас и вовсе не было! А сотовый у тебя молчит. Ну и как ему передать, что он не сердится? Могла бы и сама ему позвонить, не чужой, между прочим!

Ирина всплеснула руками:

– Лиля! Ты – дурочка, я тебе уже говорила, да? Даня ведь и правда приходил, только я тебе сказать забыла. Клава, я его впустила, просто в комнату не пригласила... просто я была не одета для такого визита! А потом я ездила за Лилей! А телефон мы специально отключили, чтобы нас лишними разговорами не тревожили. Это тебе повезло – мне обещал Макс позвонить, я и включила... Ой, ну я тебе про него как-нибудь потом расскажу, приличный мужчина, такой симпатичный, кроликов любит... Лиля, а ведь Клавдия Сидоровна права! Могла бы и позвонить мужу!

Лиля насупилась и принялась ковырять ногти.

– Я же думала, он ругать будет, ну что – на весь город с этой газетой... Думала, он меня и так перед своими одно-

классниками стыдится, а тут я ему еще такой подарок! Решила позвонить, как только все выяснится.

– А выяснять ты, надо думать, на кроличью ферму отправилась? – фыркнула свекровь. – Кстати, а где вы взяли эту газету?

– У нас в почтовом ящике была. А статейка так прямо красным карандашом обведена, смотри сама, – вскочила Ирина и принесла Клавдии газету.

Клавдия с видом эксперта уткнулась в газетный лист, понюхала его и заявила:

– Это не карандаш. Может, и карандаш, только не простой. Знаете, таким женщины губы обводят. У меня тоже такой был, я у Ани прихватила. Только его куда-то Тимка укатил. Это женская штучка, так-то.

В комнате на диване завожился Акакий. Мужчине требовался полноценный отдых – на чистой простыне, в ночной пижаме, а носки и тугой ремень спокойному сну не способствовали. И посему Акакий Игоревич запросто принялся освобождаться от брючных оков.

– Ой, Клавочка, что это он? – ухватилась за щечки Ирина, видя, как решительно сват расстегивает ремень.

– Ну что-что! Жить он у тебя собирается, вот что! – рыкнула Клавдия, встряхнула мужа обратно в портки и попросила: – Ирочка, вызови-ка нам такси, мне это сокровище на себе переть фамилия не позволяет, я ж не Лошадёва и не Клавдия Верблюдец... Лилечка, а ты собирайся.

Такси прилетело настолько быстро, что невестка еще не успела побросать в чемодан все свои наряды.

– Мы поехали, – прощалась Клавдия в прихожей, держа мужа на плече, как фуфайку в жаркую погоду. – Сегодня обязательно позвоню Дане, узнаю, как у вас. Давай, Лиля, мордашку-то накрась.

– Может, тебе деньги на такси? – топталась Ирина, толкая в карман сватье сотенную бумажку.

– Ирина! Прекрати немедленно! Запомни – мы не нищие! – гордо взбрыкнула Клавдия и потащила супруга к такси.

Акакий Игоревич был невменяем. Только и пришел в себя на секундочку, чтобы ухватить денежку из рук растерянной Ирины, и снова отбыл в бессознание. И даже пробормотал что-то вроде благодарности на непонятном языке, скорее всего, на французском.

Домой доехали без приключений, если не считать того, что всю дорогу Акакий Игоревич нещадно фальшивил: «О-о-о! Макарена!!» – и пытался плясать. Тогда на заднем сиденье Клавдия начинала маленькую драку, конечно, побеждала и приводила мужа в относительное спокойствие, но после минутного затишья неумный певец начинал фальшивить снова.

Доперев благоверного до квартиры, Клавдия все же умогалась изрядно.

– Маменька, скорее открывайте! – долбила она ногой в

дверь, приводя в дикий восторг соседешек у дверных глазков. – Ой, да не надевайте вы мой парадный пенюар! Это я – Клавдия!

Дверь распахнулась, и на пороге появилась Катерина Михайловна, действительно в выходном пенюаре Клавдии. На тощенькой груди агрессивно топорщились кружевные воланы, пояс был два раза обмотан вокруг тела, рукава сползали до колен почтенной старушки, но сама себе она казалась по меньшей степени княгиней.

– И кого там несет на но... Клава!.. Сыночек!.. Что с ним?! Ах! Я поняла... Его убили враги... – одними губами прошелестела пожилая женщина и тут же взвыла пожарной сиреной. – Акаша!! Герой! Просто герой!! Теперь нам грозит пенсия по утрате кормильца, какое горе!!

– Тихо вы! – шикнула на нее Клавдия. – Ну какой из Каки, к черту, кормилец? А уж тем более – герой? И никакие это не враги его убили, это я. Я усыпила его маленько, чтоб не мешал, а он разоспался...

– Клавочка, немедленно транспортируй его на кровать... Осторожненько, голову не помни... – тут же взяла себя в руки Катерина Михайловна, а придя в себя, с возмущением спросила: – Клавдия, а ужин? Ты столько гуляла, упоила ву-смерть моего сына, а где же ингредиенты праздничного ужина?

Клавдия свалила бесчувственное тело на диван и бесстыдно устала в него толстый, сосисочный палец:

– Вот! Ваш сын сожрал и выпил весь алкогольно-продуктовый запас!

– Так это ж когда он успел? – охнула старушка.

– Пока я в очереди стояла, чтобы расплатиться, – нагло врала почтенная мать семейства. – Прямо все из корзинки и умел, не удержался. Так стыдно, ну так стыдно!

– Зато, вероятно, не пришлось платить, правда ведь? – сориентировалась Катерина Михайловна. – Значит, и деньги сохранились. А ужин мы и завтра организуем. Пойдем, Клавочка, ты мне хоть сосисок отваришь, а то прямо так в животе и урчит, так и урчит.

Старушка бодро посеменила на кухню, напрочь забыв про героя-сына.

– А уж завтра, Клавочка, я сама с Акашей в магазин отправлюсь! Нужно же с горя праздник устроить, – и она театрально всхлипнула.

– А что у нас опять за горе? – недоверчиво покосилась на нее Клавдия, швыряя сосиски в кастрюлю.

Катерина Михайловна уселась на стул, взмахнула огромными рукавами, попутно скинула на пол фарфоровую чашку, затолкала тщательно закрученную прядку за ушко и скорчила презрительную гримаску.

– Ты, Клавочка, была права. Этот легкомысленный Петр Антонович и в самом деле забегал к тебе в спальню. Теперь я в этом даже не сомневаюсь! – И вдруг чувства полились из нее фонтаном. – Нет! Клавдия, ты только на минуточку себе

представь! Мы, значит, сидим ждем вас и смотрим культурную программу по телевизору! Нет, Клавдия, ты должна согласиться, что с вами у нас никакой культуры не получается! Ты смотришь только плаксивые сериалы, а Акакий и вовсе только программу «Мир в твоей тарелке»! А тут мы в одиночестве сидим и наслаждаемся передачей о мировых художниках! Нет, я тоже хотела посмотреть сериал про ментов, но пульт куда-то запропастился, а на телевизоре какую кнопку жать, мы еще не выучили. Смотрим, значит, и вдруг в голову моего спутника жизни приходит ошалелая мысль! Он вскакивает, притаскивает мне тетрадный листок и сообщает, что тоже намерен рисовать! Якобы где-то далеко в детстве у него замечательно получалось рисовать машинки!

Клавдия передохнула – эта свекровушка каждый раз норовит из крохотной мухи выдуть черт-те что!

– Да и пусть рисует. Завтра же куплю ему краски и альбом.

– Не вздумай! – затрясла щеками Катерина Михайловна. – Если бы он машинки собрался рисовать!.. Клавдия, он собирается, как все великие живописцы, изображать обнаженную женщину! С натуры! Ты, Клавочка, сильно не удивляйся, но он решил попросить тебя попозировать ему пару недель.

Клавдия поперхнулась, представила себя в роли обнаженной натурщицы и покраснела от срама:

– Так это... это что ж – он нарисует меня голой, а все смотреть потом будут? Вроде мне надеть нечего!

Старушка криво усмехнулась:

– Я бы не стала забегать так далеко. Если он на тебя две недели пялиться будет, это еще не значит, что из-под его кисти выскочит шедевр.

– Да какое мне дело, что там у него выскочит! Где он? – взревела Клавдия. – Я не знаю, что сейчас...

– Да ты не торопись, я его уже по твоему примеру – в шкаф и на ключик, – пояснила свекровь.

Она поманила Клавдию в прихожую и рывком, торжественно распахнула дверцы шкафа. Там, подмяв под себя роскошную мутоновую шубу Клавдии, сладко всхрапывал Петр Антонович.

– На его челе все же просматриваются следы сильного раскаянья, – попыталась сгладить ситуацию Катерина Михайловна. – Пойдем, не будем человеку прерывать наказание.

Вечер у дам случился нескучным. Сначала пробудился хмельной Акакий и потребовал продолжения банкета. Потом из шкафа выбрался Петр Антонович и принялся учить пасынка, как надо пить, чтобы не хмелеть. В процессе урока мужчины несколько раз порывались сбежать за «учебным пособием», однако дамы вероломно отобрали у них все ключи от дверей. Огорченные, но несломленные, джентльмены вылебали у Катерины Михайловны три пузырька настойки календулы на спирту, после чего сели писать кассационную жалобу в народный суд на своих жен. За этим многотрудным занятием и настиг их сон. Женщины решили своих кавале-

ров заботами не мучить – свалили обоих на диван, закидали их одеялом и сели горевать о женской доле, то есть смотреть индийский фильм про страдания честной, но немножко беременной красавицы из неимущих слоев населения.

Только направляясь в спальню, Клавдия вспомнила:

– Обещала же позвонить Лиле! Как там у них с Даней, все уладилось?

Она набрала знакомый номер, и в трубке сразу же послышался Данин раздраженный голос:

– Алло!

– Данечка, – маслено запела Клавдия. – Ты уж извини, что отвлекаю, я только хотела узнать – ну как, теперь в вашем гнездышке потеплело? Наша курочка вернулась? Все в порядке?

– Мама! – резко ответил сын. – Я не знаю, какое гнездышко ты имеешь в виду и какая курочка должна вернуться, но если ты про Лилю, то она часа два назад позвонила и сказала, что выходит замуж за какого-то своего старого знакомого, они вместе учились и, оказывается, она его всегда любила! Они сегодня же уезжают к морю. Мам, ты прости, ко мне завтра приезжают партнеры из-за рубежа, мне совершенно некогда...

И трубка запикала противно, как мышь-заика.

– Ничего не понимаю... – покрутила в руках телефонную трубку Клавдия. – Так, значит, Лилия не вернулась?

Клавдия принялась снова набирать номер сына, но ниче-

го, кроме коротких гудков, не слышала.

– Клавочка, укладывайся спать, у нас завтра серьезный день, надо достойно подготовиться к празднику, – как сквозь вату донесся до нее голос свекрови. – Ну что ты опять окаменела, выключай же свет, мы столько платим за электричество!

Клавдия покосилась на Катерину Михайловну – та топталась возле нее, и никакой возможности поговорить с сыном наедине у матери не было.

– Хорошо, позвоню завтра с утра, – решила растерянная Клавдия. – Не может быть, чтобы Лиля не вернулась. Даня просто не знал, как от меня отвязаться... Да! Совершенно правильно, он не мог открыто говорить, как он рад, подозревал, что я в любом случае начну теребить его вопросами, поэтому решил так – ляпнул сдуру первое, что в голову пришло... Ох уж эти детки... Маленькие дети спать не дают, с большими сам не уснешь...

Утро было тяжелым – никак не хотели открываться глаза, а за плечо нещадно трясли. И голос Ани прямо-таки вспарывал прекрасные сновидения.

– Мама! Ну мама же! Катерина Михайловна, давайте хоть ей кофе приготовим, что ли...

– Фи, какие сложности! – фыркнул голос Катерины Михайловны. – Надо просто так... сейчас, подожди-ка... где тут у нас Акашина брызгалка для цветов?

– Ой, ну что вы делаете? – взвизгнул Анин голосок, и тут

же на Клавдию обрушился теплый дождь с каким-то противным запахом.

Она забарахталась на сырой кровати, будто перевернутая черепаха, а когда поднялась, поняла, что сейчас кого-то разорвет. И пусть этот «кто-то» только пожалуется Каке, что его мать здесь не уважают!

– А подите сюда, Катерина Михайловна, – грозно начала Клавдия, но дочь ее перебила:

– Мам, слушай, ты вчера случайно Лилю не видела?

Анечка с самого утра выглядела слишком встревоженной, и Клавдия сразу же забыла про душ с цветочными удобрениями, зато вспомнила свой поздний звонок сыну.

– Аня, я... да, я совершенно случайно вчера встречалась с Лилей... Анна! Не трави мне грудь! Что с ней случилось? Она опять куда-то вляпалась? Она же собиралась домой!

Аня уселась прямо на сырую от утреннего орошения постель и в растерянности пожала плечами.

– Понимаешь, мам, какая-то полная ерунда получается. Лиля мне вчера поздно вечером сама позвонила, сказала, что давно любила какого-то мальчика, они с ним вместе учились. Но он ее не любил, потому что у них было мало денег и у нее не было красивых платьев и костюмов. И туфли были всего одни. И поэтому ее любить он не мог. А вот теперь у Лили много обуви, платьев и он ее полюбил страстно. И они якобы уезжают на море. Просила ее не искать... С ума сойти – при чем здесь платья и туфли?.. Ересь какая-то.

Клавдия Сидоровна просто на минуту онемела. Такого не может быть! Это Анечка может рассуждать «она любила, он любил», а Клавдия вчера сама совершенно отчетливо видела всю любовь на лице невестки! Какое там – любил, когда Лиля совершенно искренне собиралась вернуться к мужу! Она даже тряпки свои все собрала в чемодан... Нет, ну Клавдия же сама видела! Лилия определенно собиралась вернуться. И ни о каком мальчике даже речи не было...

– Ань, с ней что-то случилось... – медленно проговорила Клавдия. – Вот ты не поверишь, я чувствую – что-то здесь не так. Она вчера собиралась к Дане. У нее нет никакого одноклассника! Конечно, ты, как всегда, мне не веришь, но потом сама убедишься... Ты звонила Ирине?

– Конечно, только Ирина сама ничего не знает. Говорит – собралась, взяла чемодан, чмокнула в щеку и уехала к Дане.

– Она не вернется! – гордо запыл в комнату Акакий Игоревич с полотенцем на плече. – Потому что не хочет порочить честь мужа! И убежала, да! Чтобы нашу фамилию не позорить всякими там убийствами, пьянками. Хорошая какая девочка.

Клавдия Сидоровна замахнулась на супруга подушкой:

– Слава богу, без нее есть кому пьянкой фамилию позорить! У-у, пьяный крокодил, уйди с глаз моих!

Аня горестно обхватила голову руками.

– Боже мой! Да с чего она вообще решила, что там какое-то убийство было?!

– Ну уж, доченька! – поперхнулась Клавдия. – Еще бы не решить! Ей прямо на дом газетку прислали, где черным по белому так и сообщили – где, когда и кого она умудрилась отравить! И не хочешь, да поверишь!

– Вот ты бы, мама, и задумалась: кто мог прислать эту газетку? – не сдержалась Аня, но тут же махнула рукой. – Ладно, это мы сами...

Клавдия ухватила за ценное указание, как нищий за рубль:

– Да чего уж «сами», я задумаюсь, мне нетрудно, мне же не зря мозги в голову положили. Поработаю... Так когда, ты говоришь, вам сообщить о проделанной работе?

– Мама! Я же говорю – мы этим занимаемся!

– Хорошо, верю. Сейчас я тебе листочек принесу, набросашь мне план вашей работы, чтобы я могла контролировать! – понесло Клавдию Сидоровну.

– Ну уж! Знаешь!.. Вам вообще надо сидеть тише воды ниже травы!

– Фигу с дрыгой! Правильно, Клавочка, я отреагировал? – поддержал жену Акакий Игоревич.

– Ах, так?! – сощурилась дочь. – Тогда я вообще приставлю к вам охрану! Будут за каждым вашим шагом следить, вот!

– Ха! Хи-хи-хи! Кака, смейся! – потребовала Клавдия Сидоровна. – У вас никогда даже на преступников не хватало кадров, где уж там за нами следить!

Пока Акакий послушно надрывался от смеха, Аня странно посмотрела на мать, хотела что-то сказать, но передумала и стала торопливо собираться домой.

– Мама, папа, я потом еще как-нибудь забегу, – наматывала она на шею длинный шарф.

– А вот и кофе! – появилась в дверях спальни Катерина Михайловна, толкая перед собой Петра Антоновича.

Старый проказник ступал на полусогнутых ногах, потому что в руках у него дрожал поднос с дымящимися чашками.

– Анюта, садись, кофейком побалуемся. Присаживайся к Клавочке на кровать, не стесняйся. Да ты сдвинь ее ножкой, ее ведь не пошевелишь, так до воскресенья и проваляется, – гостеприимно лучилась Катерина Михайловна. – Анечка, даже не собирайся, мы тебя сейчас никуда не отпустим, у нас еще праздничный ужин намечается. Акаша, собирайся за продуктами, со мной пойдешь. А то слопаешь там опять пол выставочного зала, снова позору не оберешься! Вот срамота-то... Не хлопай глазами, тебе не идет... Клавочка, прими извинения от Петра Антоновича за вчерашнее. Шкаф пошел ему на пользу – он больше не хочет рисовать тебя обнаженной!

– А что – у него было желание? – проняло даже Аню. – Странная, однако ж, у вас тяга к красоте...

– Извращенец, чего тут скажешь, – легкомысленно констатировал Акакий Игоревич и схлопотал от красавицы супруги звучную оплеуху.

Петр Антонович густо рдел и бросал беспокойные взгляды на Клавдию, которая при виде него завернулась в одеяло по самый подбородок, но потом все же оголила кулачок.

– К столу! Все к столу! – зазвенела колокольчиком Катерина Михайловна, видя, что вся компания собралась у постели Клавдии, и даже ее ветреный супруг мостит свой сухонький зад поближе к аппетитной невестке. – Анюта! Тащи всех к столу!

Однако Аня больше не стала задерживаться, сослалась на дела и убежала.

Десятью минутами позже две пары молча восседали на кухне и чопорно толкали в рот сухое печенье. Говорить не хотелось. Клавдия до сих пор не могла понять – куда все же подевалась любимая невестка, Петр Антонович грустил, что так бесславно закончился его художественный порыв, Катерина Михайловна зорко следила, чтобы глаза супруга глядели точно в чашку, а Акакий судорожно вспоминал – когда это он умудрился осрамиться в магазине, чего там маменька про торговый зал намекала? Хотела, чтобы он кое-что съел прямо там, на месте? Интересно, а за это сейчас быют?

Молчаливую идиллию долго выдержать не удалось – Акакий все же решил самостоятельно направиться в магазин и, пока Клавдия прожевывает крекер, поспешил в спальню, где выудил из ее сумочки небольшую сумму на карманные расходы. А чего такого? Он, между прочим, всю пенсию ей отдает, до копейки, так что все права защищены!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.